

Небоскре́бный трон

Том Поллок

Сын города

«АСТ»

2012

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-445

Поллок Т.

Небоскрежный трон / Т. Поллок — «АСТ»,
2012 — (Небоскрежный трон)

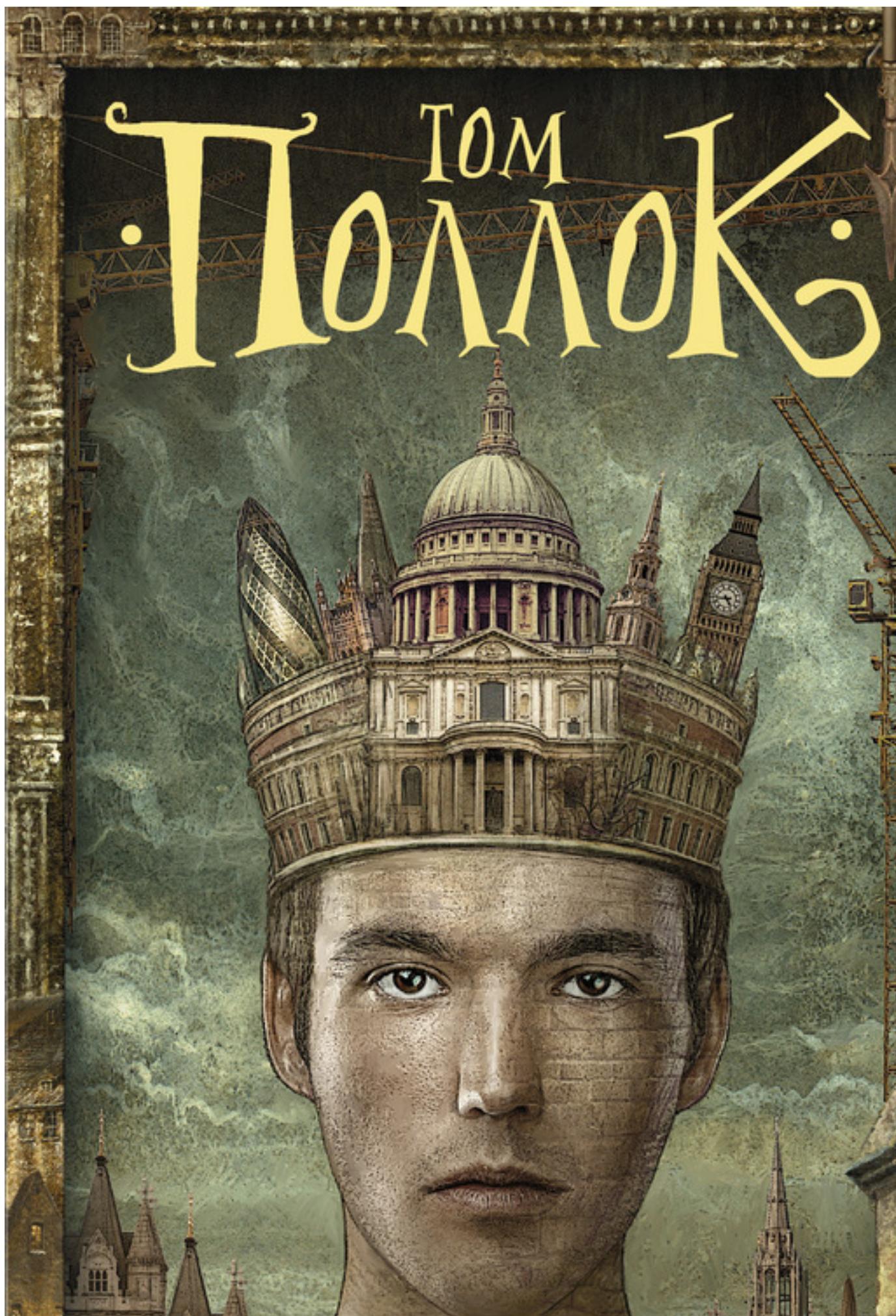
ISBN 978-5-17-096102-3

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-17-096102-3

© Поллок Т., 2012
© АСТ, 2012

TOM
ПОЛЛОК

Том Поллок
Сын города
Серия «Небоскрежный трон», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11610562

Сын города : [фантастический роман] / Том Поллок; [пер. с англ. М.С. Фетисовой].: АСТ; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-096102-3

Аннотация

Бет всего шестнадцать, но она уже познала горечь потерь, отчуждения и предательства. Всё, что у нее осталось, – ночной город, стены которого она порывает бесчисленными граффити. Но неожиданно Бэт узнает, что есть и другой, тайный Лондон: город призрачных поездов и надменных отражений, бродячих статуй и танцующего Лампового народа, город Женщин в стенах и юного Бога-оборванца. Город, оставленный Богиней Улиц и отчаянно нуждающийся в ней. Город, пожираемый стальным чудовищем, имя которому – Высь. Именно в этом городе Бэт предстоит найти свое место, свою любовь... и свою войну.

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	35
Глава 10	40
Часть II	45
Глава 11	45
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Том Поллок

Сын города

Лиззи, за всё

Tom Pollock

THE SKYSCRAPER THRONE TRILOGY: BOOK 1: THE CITY'S SON

First published in the English language by Ouercus Editions Limited

Печатается с разрешения издательства Ouercus Editions Limited.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Перевод с английского *Марии Фетисовой*

Copyright © 2012 by Tom Pollock

Часть I

Мальчик с городом в коже

Глава 1

Я охочусь. Солнце садится над Баттерси, его лучи расчерчивают кирпичную кладку боевой раскраской, пока я иду по следу через железнодорожные туннели. Моя добыча уже недалеко: в воздухе горько воняет паленым, и каждые несколько ярдов обнаруживается очередной обуглившийся комок, некогда бывший крысой.

Я набираю темп, нетерпеливо скользя по рельсам босыми ногами. Взмахнув копьем по низкой дуге, чувствую оставленный ею электрический след – верный признак чудовища.

Город ни на что не обращает внимания. Проходя под кирпичными сводами, люди входят и выходят из газетного киоска и винного магазина; двое школьников болтают – обмениваются небылицами о девочке, которая им обоим нравится. А потом – над смехом, стоном вечерних пробок, басами отдаленной музыки и всеми остальными звуками города – я слышу ее дикий, визжащий тормозами крик.

Сердце мое сжимается. Они и понятия не имеют, в какой опасности находятся, никто из них, не теперь, когда она освободилась, когда проснулась.

Во имя Госпожи Улиц, *она проснулась*.

Я взял ее след на Кингс-Кросс, в гнездилище переплетенной стали к северу от станции. Она бросила свой поезд, большой грузовой локомотив, и тот замер, лишившись ее живительного духа. Ошеломленный машинист все никак не мог взять в толк, что случилось с машиной. Другие поезда сдавали назад, в веренице ярко светящихся окон ворчали пассажиры, играя со своими телефонами и удивляясь, какого черта образовалась эта пробка.

С той минуты я крепко сел ей на хвост: неустанный охотник.

Что ж... *почти* неустанный.

Однажды я отпустил ее – мне *пришлось*. Ее след шел через строительные площадки Святого Павла, мимо Собора, прямо под когтистыми тенями стрел кранов.

Высь – Король Кранов. Даже мне нельзя вторгаться на его территорию. Клянусь, я ощутил его металлические пальцы, тянущиеся убить меня, и бросился бежать.

Но с легкостью вернулся на след. Мертвый мальчик, лежавший поперек рельсов под сгоревшей сигнальной будкой, не дал пройти мимо. На вид ему было около пятнадцати, возможно всего на несколько месяцев младше меня, но изуродованное лицо не позволяло сказать с уверенностью: высохшая кожа растрескалась и почернела, на месте выкипевших глаз зияли пустые глазницы. Только металлический аэрозольный баллончик в правой руке остался не тронут напряжением.

Но помедлить меня вынудило не тело – как ни печально, я видел трупы и пострашнее. Меня заинтересовал кровавый отпечаток колеса, *пересекающий* след, разрезавший грудь мальчика под *прямым углом* к рельсам. Мгновение я изо всех сил пытался найти в этом смысл. Затем увидел дыру, проломленную в кирпичной стене виадука, и мурашки неверия закололи загривок.

Она сбежала с железной дороги. *Она ушла*.

Как, во имя Темзы?..

Вот тогда-то я и начал сомневаться: если она настолько всемогуща, в моих ли силах ее остановить?

По всему городу засияли фонари – Натриевые танцовщицы проснулись, потягиваясь и разогревая конечности, озаряя стеклянные плафоны светом. Я просунул пальцы в пролом в кирпичной кладке и перемахнул через край виадукса, мягко приземлившись на тротуаре. Потом под покровом сгущающихся сумерек проворно прошмыгнул на улицы.

Теперь я жду в тупичке, прислушиваясь к мерному капанью воды из ржавой трубы, и успокаиваю себя, позволяя стуку воды стать ритмом моего сердцебиения.

Моя позиция открыта, мое копьё готово.

Здесь ее след обрывается.

Бреньк-клац-клац, бреньк-клац-клац...

Я ощущаю ее вибрации через землю.

Лиса вываливает из-за пары стальных мусорных бачков и бежит по дороге, оставляя за собой шлейф вони.

Я с тихим шипением выпускаю воздух из легких.

Бреньк-клац-клац, бреньк-клац-клац...

Бетонный сланец на земле начинает поддрагивать, поднимается ветер, брызгая дождем мне в лицо. Запах гари исходит от стены в конце тупика, выдыхаемый порами кирпичей. Пронзительный вопль наполняет воздух: визг стали о сталь, подобный крику лошади. Клацанье становится громче, трясутся и лязгают мусорные бачки, падающие на землю.

Я слышу призрачный свисток: ее печальный, старомодный боевой клич, и присаживаюсь на корточки, сгруппировавшись поплотнее. Через известковую стену передо мной начинает сочиться свет, обозначая два ослепительных глаза дальнего света. Я слышу стук ее колес, мчащихся на меня дорожкой молнии. Крик вырывается из моего горла, чтобы поприветствовать ее, прокляв всеми именами: Локо Мотив, Поезд-призрак, *Рельсовая химера...*

...и, когда она взрыкивает на меня, я отпрыгиваю вбок и наношу удар...

Глава 2

– Бет, *давай же*, – прошептала Карандаш, – нужно идти.

Бет, пару раз крутанув руке баллончик, изучала рисунок, который распылила на асфальте спортивной площадки.

– *Бет...*

– Я еще не закончила, Кара, – в тусклом отблеске ближайших фонарей Бет видела, как пальцы девушки-пакистанки нервно теребят косынку. – Не будь ребенком.

Карандаш раздраженно прохаживалась взад-вперед:

– *Ребенком?* А мы кто? Ты своей краски нанюхалась? Я не шучу, Би. Если кто-нибудь придет, нас *исключат*.

Бет потрясла аэрозольный баллончик:

– Кара, сейчас четыре утра. Школа закрыта. Даже крысы махнули хвостами и разошлись по домам. Мы прикрыли лица от камер, когда перелезали через стену, и света здесь с гулькин нос. Вокруг никого нет, нас не опознают, так что еще тебя беспокоит? – Бет говорила спокойно, хотя и чувствовала тугий узел волнения в груди. Она посветила фонариком на рисунок у своих ног. Портрет доктора Джулиана Солта, главного математика Фростфилдской средней школы, получался недурно: лучше, чем она ожидала, учитывая, что работать приходилось в спешке и темноте. У нее идеально вышли его нахмуренные брови, впалые щеки и тусклые грозные очки. Сорняки, проросшие через асфальт, добавляли выразительности: они выглядели как неряшливые волосы в носу.

Справедливости ради следовало признать: Бет также наградила учителя некротической отслаивающейся кожей и двенадцатифутовым раздвоенным языком, явно допустив некоторую художественную неточность, но все же...

«*Это несомненно ты, ты, дерьмо*».

– Бет, *смотри*, – зашипела Кара, заставив Бет подпрыгнуть.

– Что?

– Вон там, – показала Кара. – Свет...

Бет глянула вверх. Одно из окон, выходящих на школу, светилось приглушенным злоеще-оранжевым светом. Бет раздраженно выдохнула:

– Наверное, какой-то старой тетке просто приспичило.

– Нас оттуда видно, – настаивала Кара.

– Да кому какое дело? – пробормотала Бет, снова поворачиваясь к рисунку.

Каждый фростфилдский двенадцатиклассник знал, что Бет с Солтом враги, но это было обычное противостояние учителя и ученика, из-за которого она бы не стала приходить сюда.

Возмездия требовало отношение Солта к Каре. Бет не знала, почему, но он, казалось, получал порочное удовольствие, унижая ее лучшую подругу. Солт оставлял Кару после уроков вполтину меньше, чем Бет, но после этих наказаний она каждый раз едва сдерживала слезы. А на понедельничном уроке математики, когда Кара попросилась выйти в туалет, Солт категорически отказал. Он продолжил рассказывать о квадратных уравнениях, не спуская глаз с Кары, а на его лице играла улыбка, словно он *подзадоривал* ее противостоять ему – словно *знал*, что она не осмелится. Кара продолжала держать руку поднятой, но какое-то время спустя та задрожала. Когда девушка сложилась от боли пополам, не в силах больше сдерживаться, Бет сама вытащила подругу из-за парты и вывела из класса. Пробегая по коридору, они слышали разразившийся смех.

Позже, стоя за углом естественнонаучной секции, Бет спросила:

– Почему ты не вышла? Он не смог бы тебя остановить, так почему ты просто не ушла?

На лице Кары застыла шутовская улыбка, всегда сопровождавшая внутреннюю панику:

– Просто я... – она проглотила половину слов, не отрывая взгляда от собственных ботинок. – Просто я каждую секунду думала, что надо продержаться всего лишь еще одну секунду, еще одну – и все станет хорошо. И мне не придется... ты знаешь.

«Бросать ему вызов». Бет сама закончила предложение, крепко обнимая подругу. Она знала, в чем заключалась сила Кары, видела это каждый день: противостояние без сопротивления. Кара держала удар, но никогда не била в ответ.

И тогда Бет решила: нужно что-то сделать. И рисунок как раз и был *чем-то*.

Она направила луч фонарика на свою работу, и напряжение в груди сменилось теплым сиянием удовлетворения.

«Неоновый кошмар, – подумала она. – Уродство тебе к лицу, док».

– Бет Брэдли, – прошептала Кара. Ее голос по-прежнему звучал испуганно, но на этот раз немного благоговейно. – Ты – *псих* высшего ранга.

– Ага, знаю, – ответила Бет, и по ее лицу расплылась улыбка. – Но я *действительно* хороша...

Пронзительный вой прорезал ночь: к ним неслась полицейская сирена. Бет, инстинктивно присев на корточки, натянула капюшон на короткие растрепанные волосы.

– *Проклятье*, – запаниковав еще сильнее, прошептала Кара. – Я же *говорила* — нас видели. Должно быть, они и вызвали – наверно, подумали, мы хотим что-нибудь украсть.

– Что, например? – буркнула Бет в ответ. – Секретный рецепт столовского пирога из мышинового помета? В школе тырить-то нечего.

Кара потянула Бет за рукав:

– Неважно – надо выбираться отсюда.

Бет дернула рукав обратно и опустила на оба колена, судорожно добавляя тень на линию подбородка. Все надо делать как следует.

– Би, надо уходить, – Кара в смятении переступала с ноги на ногу.

– Так иди, – прошипела Бет.

– Без тебя не пойду, – обиженно буркнула Кара.

Бет не поднимала взгляда:

– Кара, если ты не убежишь *прямо сейчас*, я расскажу Леону Батлеру, что это ты намазала замазкой то стихотворение на его парте.

На мгновение повисло потрясенное молчание, потом Кара выдохнула: «*Сучка*».

– *Леон, мой лев, я буду прайдом для тебя. И даже больше...* – нараспев процитировала Бет шепотом. Она не могла сдержать ухмылку, когда Кара удалилась, ругаясь под нос. Продолжая рисовать, Бет приподнялась с колен, готовая дать деру, Сирены выли уже совсем близко. *У-а-а-а-у-у-у-у...* Взвизг повторился еще раз, а потом оборвался на середине. Девушка услышала, как отворилась, а потом хлопнула дверца машины. За спиной задребезжали ворота. Школа была заперта, и копам пришлось перелезть, как и им с Карой. Бет прыснула цветом в богатое скопление бородавок под глазом нарисованного Солта.

– Эй!

Крик пустил волну страха по ее позвоночнику. «Какой отстой», – подумала она. Девушка затолкала трафареты и краски обратно в рюкзак, выключила фонарик и побежала. Тяжелые ботинки бухали по асфальту позади нее, но она не оборачивалась – незачем показывать им лицо. Ветер свистел в ушах: Бет мчалась, опустив голову, молясь, чтобы полицейские у нее на хвосте оказались отягчены бронежилетами и дубинками, чтобы она оказалась быстрее...

Бет подняла глаза, и паника тут же скрутила желудок. Копы гнали ее в тупик. Перед нею выросла самая высокая стена школьного забора, примыкающая к плотному клубку кустов

и деревьев вокруг железнодорожных путей: десять гладких неперелезаемых футов. Бет изо всех сил напрягла ноги, отчаянно стараясь набрать разгон, и прыгнула.

Ее пальцы царапнули бетонную стену, не достав до верха нескольких дюймов, и она полетела вниз.

Твою мать.

Она снова бросилась на стену, и снова ей не хватило нескольких дюймов. Грудь жгло одышкой и отчаянием.

– Би, – произнес чей-то шепот. Бет повернулась. Кара бежала к ней вдоль стены, ее хиджаб сбился и болтался на уровне рта, как у бандита.

– *Я же велела тебе уходить!* – яростно, но с облегчением прошептала Бет.

– Ага, щаз. Едва взлетев сюда, я поняла: ты низковата для этого. – Кара упала на одно колено и сцепила руки замком.

Бет сверкнула быстрой улыбкой и приняла помощь; мгновение спустя она втащила подругу за собой.

– Разделимся, – прошептала Бет, приземлившись с другой стороны, и вздрогнула от боли, пронзившей руки; ее угораздило угодить прямо в крапивные заросли. – Я догоню тебя, как обычно.

Девушки слышали, как их преследователи ругались, тяжело дыша, по ту сторону забора.

Один из мужчин пропыхтел:

– Подсади меня.

Кара повернула направо, а Бет бросилась налево, петляя между деревьями.

Дыхание вырывалось со свистом, отдающимся в ушах. Ветки и разбитые бутылки хрустели под ногами. Дорогу преградил забор, но Бет заметила рваную дыру у основания и нырнула в нее, пробиваясь на смутно вырисовывающуюся забетонированную площадку. Девушка пригнулась за старой ржавеющей машиной с выбитыми окнами, судорожно глотая воздух. По ближайшему мосту промчался поезд, угловатые всполохи света прорезали темноту. Она попыталась разобрать хоть что-нибудь за стихающим клацаньем поезда и собственным оглушительным сердцебиением, но не услышала никаких звуков преследования.

Девушка полезла в рюкзак за измятой кожаной курткой, стянула толстовку и запихала ее поверх баллончиков с краской. Ее ноги так дрожали из-за адреналина, что она покачивалась и почти падала. «Мило, Бет, – придиричиво подумала она. – Просто ништяк. Теперь, если сможешь перестать ходить, как испуганная индюшка, тебе даже удастся пройти полпути вниз по улице, прежде чем мусора тебя повяжут».

Застегнув куртку, она пошла вперед – настолько непринужденно, насколько только могла.

Кара ждала на углу Уиттэршем-роуд и Шекспир-роуд, по обеим сторонам которых тянулись краснокирпичные террасы с пестрыми садиками. Как и всегда, нервничая, она проверяла и перепроверяла свое отражение в карманном зеркальце, изыскивая малейшие изъяны.

Бет улыбнулась, несмотря на подавленное настроение: только Кара Хан могла накрасить глаза, собираясь заняться ночным вандализмом.

Почтовый ящик, рядом с которым стояла Кара, был, вероятно, самым разграффиченным местом во всем Лондоне: радужное буйство похабщины, изречений, мультяшных зверей и гротескных монстров.

По традиции местных граффитчиков внести свой вклад в роспись Уиттэршемского ящика, в прошлом году Кара и Бет изобразили себя на объявлении о розыске преступников с вытянутыми глупыми лицами. Те рисунки были уже давно погребены под работами других художников района.

Подойдя ближе, Бет вяло отсалютовала. Кара просто посмотрела на нее.

– В один из таких дней, Элизабет Брэдли, – медленно проговорила она, – ты добьешься того, что меня выгонят. И родители отрекутся от меня к шайтану.

Бет улыбнулась подруге:

– Что ж, значит, окажу тебе услугу. Сможешь заниматься граффити, когда захочешь, и прятаться не придется.

– Спасибо, когда я стану бездомным голодающим позором моей семьи, эта мысль, уверена, согреет меня.

Бет потерла кроссовкой об асфальт и ухмыльнулась сарказму Кары.

– Значит, будешь жить со мной, – предложила она. – По крайней мере, сможешь выйти замуж за кого захочешь.

Губы Кары вытянулись в тонкую линию, в голос закралась напряженность:

– То, что у тебя было аж два парня, делает тебя мировым свадебным гуру, да?

– На два больше, чем у тебя, – пробормотала Бет, но Кара пропустила ее замечание мимо ушей.

– Мои старики помогут мне найти подходящего человека, – сказала она. – Дело в опыте, вот и все. Они знают брак, они *знают* меня, они...

Бет прервала подругу:

– Кара, они даже не знают, что ты *здесь*.

Кара покраснела и отвела взгляд.

Внезапно устыдившись, Бет шагнула вперед и крепко обняла подругу:

– Не слушай меня, окей? – пробормотала она в косынку Кары. – Я веду себя, как корова, и знаю это. Просто боюсь, что твои старики выдадут тебя за какого-нибудь бухгалтера в бежевом костюме, бежевых трусах и с чертовой бежевой душой, после чего мне придется разрисовывать стены Восточного Лондона одной.

– Да никогда в жизни, – прошептала Кара, и Бет знала, что это правда. Кара *никогда* от нее не уйдет. Она посмотрела через плечо подруги. Небо начало светлеть. По улице выстроились телефонные столбы, их кабели казались брошенными на восходящее солнце поводьями. Бет знала: когда взойдет солнце – и сегодня, и во все последующие дни – оно взойдет для них обеих, идущих бок о бок.

– Ты в порядке? – спросила она.

Кара слабо усмехнулась.

– Ага. Только... Все это немного чертовски страшно, знаешь ли.

– Знаю, – сказала Бет. – Это было сильно, просто хардкор. Я горжусь тобой, Карандаш Хан. – Бет еще раз крепко обняла подругу, а потом отпустила. – Только не выпьемся мы сегодня.

Мышцы на шее девушки свело напряжением, и, хотя глаза так и норовили закрыться, она по-прежнему ощущала тревогу.

– Нечего рассчитывать, что я смогу убедить тебя прогулять вместе со мной первую пару уроков, а?

Кара покусала нижнюю губу – осторожно, чтобы не смазался блеск для губ.

– А ты не думаешь, что так мы привлечем к себе лишнее внимание?

«Само собой разумеется, едва подумаешь об этом», – признала Бет, но, как всегда, чтобы увидеть очевидное, понадобилась Кара. Как маленький зверек, всегда находящий правильное место, где спрятаться, она обладала чутьем на все, что могло бы показаться подозрительным.

– Как насчет порисовать оставшуюся ночь? – парировала Бет. – Пойдем быстрее – у меня вдохновение.

Кара сказала маме, что переночует сегодня у Бет. Бет же, конечно, не требовалось никому ничего объяснять. Здесь, на улицах, было легко забыть, что она была еще чьей-то.

Кара покачала головой своей собственной глупости, но расстегнула толстовку и вытащила аэрозольный баллончик.

– Конечно, – кивнула она. – Думаю, сегодня я оторвусь.

Они пустились на запад, в сердце города, навстречу рассвету, петляя среди строительных площадок с драными плакатами и забитых досками окон магазинов.

Бет присела рядом с грудой битого бетона – велись какие-то дорожные работы – и распылила несколько черных линий. Большинство людей увидят в них лишь гудрон и тени; чтобы разглядеть атакующего носорога в переплетении краски и краев бетонных осколков, нужно стоять в строго определенном месте. Бет улыбнулась про себя. «Город – опасное место, если не обращать внимания».

Она оставляла кусочки своей души вроде этого, по всему Лондону, и никто не знал, где. «Никто, кроме, может быть, Кары».

Бет взглянула на подругу. Когда они делились секретами, это не походило на обмен заложниками, что Бет иногда наблюдала у других девочек. Кара действительно проявляла заботу, и это значило, что Бет тоже могла рискнуть проявить заботу. Кара была как бездонный колодец: можно было сбросить в нее любое количество маленьких страхов, зная, что они никогда не вернуться, чтобы ранить тебя.

Начался дождь: слабая, непрекращающаяся, пронизывающая морось.

Кара писала свои стихи на бордюрах и внутри телефонных будок, романтические контрапункты на розово-черных визитках с рекламой дешевого секса и видами услуг, перечисленных после имен, словно ученые степени:

ХОЧЕШЬ ПОВЕСЕЛИТЬСЯ? ЗВОНИ КЛАРЕ:

С/М, Т/В, А и О.

...ты – кусочек пазла,
которого мне не хватает.

– Это великолепно, Кара, – пробормотала Бет, читая через плечо подруги.

– Думаешь? – Кара встревожено пробежала глазами по строчкам.

– Ага, – Бет ни черта не смыслила в поэзии, но почерк у Кары был прекрасный.

Солнце медленно отбеливало здания цвета дыма до цвета старых костей. Мимо проносилось все больше машин.

– Мы должны идти, – наконец сказала Кара, постучав по часам. Она нахмурилась, что-то разглядывая, потом добавила: – Наверное, стоит поехать на разных автобусах. Обычно мы не приходим в школу вместе – это может вызвать подозрение.

Бет рассмеялась:

– Немного пахнет паранойей.

Кара застенчиво, почти гордо ей улыбнулась:

– Ты же знаешь меня, Би, паранойя – мой конек.

Она вывела их в узкий переулок, и подруги вскользнули в суету толпы.

Кара поехала на первом автобусе.

Ожидая следующего, Бет почувствовала себя шпионом или супергероем, надевшим свою тайную личину.

Глава 3

Может быть, это один из его червяков нашел меня, унюхав через густой ил на берегу реки, или, возможно, голубь, парящий над головой, из какой-то стаи, гнездящейся на крышах башен. Все, что я знаю, так это то, что я просыпаюсь, а Гаттерглас нависает надо мною.

– Ой-ой, ты совсем в лоскуты, да? – серьезно говорит старый монстр. – Доброе утро, Высочество.

Он – Глас сегодня «он» – смотрит на меня сверху вниз своими глазами – разбитыми яичными скорлупками. Старая китайская лапша затвердела на его подбородке гнусной бородой, мусорно мешковое пальто бугрится карабкающимися под ним крысами.

– Доб... – начинаю было я, как вдруг боль ожогов окатывает меня, вымывая слова. Я глубоко вдыхаю и отпихиваю его. Мне нужен воздух. Он где-то умыкнул шину, и теперь его талия вместо обычных ног заканчивается колесом. Проворные коричневые грызуны бегают внутри, откатывая его обратно.

Я стискиваю зубы, пока не подчиняю себе боль, затем потихоньку осматриваюсь вокруг. Я на илистом берегу под мостом на южной стороне реки – Воксхолл, судя по бронзовым статуям по бокам. Солнце пылает высоко в небе.

– Как долго? – горло мое сжимается, будто ржавый замок.

– Слишком долго, откровенно говоря, – отвечает Глас. – Даже лисы пришли раньше. Нужно ли мне напоминать тебе, что ты находишься под моей ответственностью? При условии, конечно, что ответственность – это слово, которое ваше грязное маленькое Высочество понимает. Если с тобой что-нибудь случится, мне придется держать ответ перед Госпожой Улиц.

Я закрываю глаза, избегая режущего света, воздерживаясь от очевидного ответа. *Госпожа Улиц*, Наша Уличная Леди, моя мать, исчезнувшая более пятнадцати лет назад. Я ненавижу, что Гаттерглас по-прежнему почти преклоняет чертовы колена, всякий раз, когда произносит ее имя.

– Если она когда-нибудь вернется, – говорю я, – ты действительно думаешь, что ей будет не все равно, в каких именно кучах лондонского дерьма я спал?

– *Когда* она вернется, – мягко поправляет меня Глас.

Я не спорю с ним, потому что не очень-то вежливо называть чью-то веру нелепой.

В основном по утрам вы можете найти его (или ее, зависит от того, какое в этот день у Гласа тело) на краю свалки, мечтательно глядящим на восходящее над Майл-Эндом солнце в ожидании дня, когда бездомные кошки замаршируют по тротуарам и уличные таблички перестроятся, чтобы составить настоящее имя Госпожи Улиц: дня, когда их Богиня вернется.

Из его шины вырывается воздух, когда он опускается возле меня, распахивает черный пластик своего пальто и выбирает один из привязанных там шприцев. Опять совершал набег на больничные мусорные баки. Он вонзает кончик иголки в мою руку, нажимает на плунжер, и почти мгновенно боль отступает.

– Какой ужас, – снова бормочет он. – Садись. Давай оценим повреждения.

Я, понемногу скрипя, скособочиваюсь в какую-то скрюченную позу – лучшее, на что я сейчас способен. Аккуратные стежки соединяют мои глубокие раны; игла, оставившая их, уходит обратно в руку Гласа, обрезки ниток тихо подхватывает ветер.

– Ого, – бурчу я, прикасаясь к стежкам, – Должно быть, я действительно валялся в отключке, раз не чувствовал этого.

– Лежал, как мертвый, – подтвердил Гаттерглас. – Но *не умер*, однако же, в немалой степени благодаря твоему покорному слуге и нисколечко не благодаря тебе.

Мне приходится опереться на копые, чтобы встать. Я по-прежнему чувствую жужжание электричества в железе – от удара по призраку. Глас отчитывает меня, поглаживая по щеке пальцами – треснувшими колпачками от ручек. Мусорный дух страшно привередлив – думаю, из-за необходимости каждый день собирать себе новое тело из городских отбросов он знает, *где что лежит*.

– Я охотился, – начинаю рассказывать я о прошлой ночи, но он не слушает:

– Посмотри на себя, *грязнуля*...

– Глас, это Рельсовая химера...

– Накладывая эти стежки, я стер все пальцы, – жалуется он. – Никакого сочувствия к бедному старому мусорному...

– Глас! – огрызаюсь я немного грубее, чем хотел, и он отшатывается и замолкает, укоризненно глядя на меня. Я тяжело вздыхаю, а потом просто говорю: – Призрак освоботился от рельсов. Сбежал.

Повисает долгая тишина, единственным звуком становится топоток бриза по глади реки. Когда Глас наконец начинает говорить, голос его звучит ровно:

– Это невозможно.

– Глас, говорю тебе...

– Нет, – продолжает настаивать он. – Рельсовые химеры – *это* электричество: его память, его мечты. Рельсы – их проводники. Химеры и нескольких минут не проживут, отравившись от них.

– Что ж, прими это от сына Богини, костлявую задницу которого отпинали в *трех милях* от ближайшего железнодорожного пути: *это возможной*. – мой крик эхом отскакивает от бетонных опор моста.

Я сажусь на корточки, массируя пальцами напряженные виски.

– Глас, она была такой сильной, – спокойно продолжаю я. Воспоминания о свирепом белом напряжении высоковольтных зубов вьелись в мою кожу Я вздрагиваю. – Я ранил ее, но... Она, должно быть, оставила меня умирать. Я никогда не встречал подобных призраков. Она даже не пыталась убежать – просто шла прямо на меня.

– ...словно *сама* охотилась на *тебя*,? – спрашивает Глас, и я резко вскидываю глаза.

Потому что именно так и было.

Гаттерглас говорит очень тихо. Все крысы, червяки и муравьи, оживляющие его, затишают, и мгновение он выглядит мертвым.

– Филиус, – мягко произносит мусорный дух. Он больше не кажется озадаченным. Только очень, очень напуганным. – Кто-нибудь видел, как ты охотился на того призрака?

– Что? Нет. А что?

– Филиус...

– Никто не *видел* меня, Глас, я просто охотился. Я был... – Потом я запинаюсь, потому что это не совсем верно: кое-кто видел. Боль набухает в моем желудке, когда я понимаю, о чем он спрашивает.

– Она прошла мимо Святого Павла, – шепчу я.

– Рельсовая химера вошла во владения Выси, – говорит Глас.

Я киваю, чувствуя пронизывающий холод, будто мои кости пузырятся льдом.

– ...и появилась с другой стороны, – мрачно продолжает он, – свободная от рельсов, более сердитая и более могущественная, чем имеет право быть, и она шла за *тобой*. – Я слышу напряжение принудительного спокойствия на его подобранных на помойке голосовых связках.

– Филиус, – говорит Глас, – ты должен быть готовым к страшному. – Он опускается, пока его скорлупки не оказываются на одном уровне с моими глазами. – Что, если тот призрак не «сбежал»? Что, если он был освобожден...?

Незаконченный вопрос повисает в воздухе. Я мысленно договариваю его: «Что, если он был освобожден Высью?»

Через реку, со стройки вокруг Святого Павла, доносятся гул и лязг. Краны Выси обхватывают Собор, словно мраморную державу Сити.

Высь — Король Кранов. Злейший враг моей матери. Его когти стали частью моих ночных кошмаров с тех самых пор, как я начал видеть сны.

Он *мог* сделать это: осеняет меня, как, должно быть, осенило и Гласа, Высь — дока в электричестве. Подъемные краны и экскаваторы, пневматическое оружие — все работает на электричестве — он мог найти способ направить эту силу в призрак, разъярить его и посадить мне на хвост, едва я оказался поблизости.

— Что, если это наконец произошло, Филиус? — шепчет Гаттергласс наполовину самому себе. — Что, если Высь взялся за тебя?

Я сжимаю свое копьё так сильно, что кажется — на костяшках вот-вот полопается кожа.

— Мы должны доставить тебя домой — *сейчас же*, — говорит Глас. Он катит себя снова и снова по кругу, вдруг предельно сосредотачиваясь. — Мне нужно, чтобы ты вернулся на свалку — там безопасно, — пока я не выясню, что происходит. Если это Высь, он не ограничится Рельсовой химерой. Скоро придут волки и... Леди, спаси и сохрани! — пылко бормочет он, — *провода*.

Он начинает катиться к краю моста, дергая меня за руку, и мне приходится упираться ногами в песок, чтобы отцепиться.

Что, если Высь взялся за тебя?

...Высь взялся...

В моей голове крутится и крутится мантра, кружа мою голову, хотя в этом и нет смысла: *почему сейчас?*

Я уже шестнадцать лет живу без защиты матери. Чего же он ждал? Но чем дольше я думаю об этом, тем легче — ужасающе легче — мне в это поверить. Высь — чудовище из каждой сказки, которую мне рассказывали. Моя мать ненавидела его, Глас ненавидит его, и я *ненавижу* его тоже. Я чувствую, как ненависть сгущается вокруг моего сердца.

Высь взялся... в глубине души я всегда знал, что так оно и будет.

— Филиус? — нетерпеливо окликает меня Глас. — Нам пора идти.

Я выпрямляюсь, морщась от вновь нахлынувшей волны ожоговой боли, и трясусь головой.

Глас вскидывает нарисованные пылью брови.

— Не время упрямиться, Филиус. Если ты вдруг забыл — химера все еще там. И чуть не убила тебя прошлой ночью.

— Так представь, что она сделает с остальным городом, — медленно говорю я. Перед мысленным взором встает почерневший труп вчерашнего мальчишки, и не один, а по штуке в каждой канаве. Эта невыносимо могущественная химера дика, неразборчива и *свободна*.

Что, если Высь взялся за тебя.

Мысль слишком неохватна, в голове не укладывается. Но если я позволю страху себя остановить, то этой ночью уже мое обуглившееся тело будет валяться на обочине. Высь пока в категории «что, если», а химера — уже «вот она». Хватаюсь за эту мысль почти с благодарностью. Лучше уж сосредоточиться на *этом*.

— Негоже оставлять охоту незавершенной.

Глава 4

Мистер Крэйфт, стоя перед классом, молотил чужь о леди Шалот, но Бет не слушала, машинально рисуя всклокоченную принцессу-воительницу, разносящую зеркало на куски своей базуккой. Из окна виднелся брезент, накинутый на ее прошлоночную работу. Когда пришли они с Карой, портрет еще не был закрыт, вокруг него толпились остальные ученики, закатываясь кашлем от смеха и щелкая на телефоны.

Бет почувствовала горячий прилив торжества и сжала руку Кары. Та нервно стиснула руку подруги в ответ.

– Все окей, – сказала Бет, – пусть попробуют доказать, что это мы.

Они даже прикопали свои рюкзаки и заляпаные краской толстовки под деревом рядом с железной дорогой, на случай обыска шкафчиков.

– Мы в безопасности. Я найду тебя в конце дня, – пообещала Бет, отпуская Кару.

– Мисс Брэдли! – вырванная голосом мистера Крэйфта из задумчивости, девушка вздрогнула, сломав карандаш.

– Да, босс? – она осторожно подняла взгляд.

Старый учитель английского взирал на нее со снисходительным возмущением, складывая листочек бумаги между пальцами. Его лицо было темным и морщинистым, будто корочка на подсохшем соусе.

– Зайдите, пожалуйста, в кабинет миссис Горкасл. Она хотела бы побеседовать.

По классу прокатилось невнятное «о-о-о-х», и у Бет сжалось горло, но она пожала плечами, пытаясь выглядеть спокойной. Девушка потратила несколько секунд, складывая из принцессы-воина самолетик и отправляя его в последний полет до мусорного ведра, прежде чем встала.

«Окей, Бет: где наша не пропадала. Время надевать невинное лицо». Она взглянула на свое отражение в окне и вздохнула. Даже держа табличку с датой и временем ареста, она не выглядела бы более виновной. Девушка скривилась и вышла в коридор.

В двери кабинета директрисы было маленькое круглое окошко, подойдя ближе, Бет заглянула в него...

...и обмерла.

За армированным стеклом она увидела три фигуры: директрису Горкасл собственной персоной, костлявую, одетую во все черное, доктора Солта, который, откровенно говоря, на асфальте, с гниющей плотью и всем прочим выглядел лучше...

...и высокую худую девушку, стоящую в углу, теребя свой хиджаб.

В Бет вскипела ярость: хотелось попасть туда, встать между Карой и учителями, защитить ее.

«За Карой не числится никаких проступков – так какого черта?» – подумала Бет. Но потом увидела заляпанный грязью рюкзак на столе Горкасл и помятые распылители, расставленные рядом с ним, и негодование, растущее внутри нее, увяло. Бет вдруг почувствовала беззащитность и холод.

Директриса, поджав тонкие губы, открыла дверь:

– А, мисс Брэдли. Присоединяйся к нам.

Бет протолкнулась мимо нее к столу, схватила рюкзак и забросила на плечо. Вспыхнув, она сердито посмотрела на директрису. Ничего не оставалось делать, кроме как признать свое – своим.

– Так, – сказала директриса. – У тебя есть, что сказать в свое оправдание?

Бет молчала, но ошеломленный голос в голове все повторял и повторял одну невозможную фразу: «Кара сдала тебя. Кара сдала тебя».

Кара...»

– Это очень серьезно, Элизабет, – подчеркнула директриса. – Ты будешь отстранена от уроков на время расследования данного дела, что может обернуться для тебя отчислением. И только личная просьба доктора Солта удерживает меня от того, чтобы привлечь полицию. Откровенно говоря, ты должна быть очень ему благодарна. У тебя есть, что сказать?

Бет держала язык за зубами и безразлично смотрела перед собой, демонстрируя предательнице в углу, как это делается.

– Что ж, очень хорошо, – кивнула директриса. – Я должна совершить несколько телефонных звонков. Джулиан, на пару слов?

Доктор Солт вышел вместе с нею из комнаты.

Бет не могла заставить себя посмотреть на Кару. Может, если она не станет смотреть, ее предателем каким-то непостижимым образом окажется кто-нибудь другой. Она почувствовала чрезвычайную, болезненную усталость и повалилась в кресло Горкасл. Внезапно ее накрыла волна гнева, и она пнула стол с такой силой, что тот проскрежетал по половицам.

– Би, ты психически...

– Как думаешь, сколько еще неприятностей я могу заработать, *Парва*? – отрезала Бет, выплевывая настоящее имя Кары – первый раз за три года их дружбы.

Кара сглотнула, и что-то блеснуло у нее на щеке – слеза.

Кара заплакала. Бет инстинктивно потянулась обнять ее, но, опомнившись, уронила руки. И они бесполезно повисли по бокам.

– Бет, я...

– *Не* говори этого, – прорычала Бет. – Если скажешь, что тебе жаль, Парва Хан, клянусь, я убью тебя до смерти. Только... *только*... – в ее голове вертелся всего лишь один вопрос. – *Почему?*

– Он сказал, что... – голос Кары сорвался. Она попробовала еще раз: – Он сказал, что...

– *Что?* – потребовала Бет. – *Что* же он сказал?

Но Кара не закончила; вместо этого она съежилась и еще плотнее закуталась в хиджаб.

– Ты сделала только хуже, Би, – печально заявила она. – Ты все испортила.

Бет вглядывалась в лицо своей лучшей подруги, впервые за долгие годы не понимая ее. Глаза Кары были словно закрытые двери. Ощущение того, что произошла ошибка, липкой паутиной опутало горло Бет.

– Кара, – прошептала она. – Кара, что все это *значит*? Что случилось? *Кара?*

Кара молча обхватила себя руками, и Бет осознала, что первый раз за долгие годы не может ее прочитать. Это было сокрушительное открытие. «Я не понимаю, Кара».

А если она не понимала Кару, значит, не понимала вообще ничего.

Несколько минут спустя вернулась Горкасл.

– Парва, – сказала она, – спасибо за помощь, можешь возвращаться в класс.

Пока Кара поспешно выходила из кабинета, директриса изучала Бет.

– Встань, – холодно приказала она и, когда Бет медленно поднялась со стула, не отводя взгляда, вздохнула.

– Дети вроде тебя, Элизабет, – устало проговорила она, – *дети* вроде тебя... возможно, мне следовало бы просто передать тебя полиции. – Она явно подбирала слова. – Я оставила сообщение твоему отцу; жди здесь – он придет тебя забрать. Я воспользуюсь случаем, чтобы обсудить этот вопрос с ним.

Сердце Бет, отбивающее миллион ударов в секунду, внезапно замедлилось, и на нее нахлынула слабость. Девушка принялась запихивать баллончики обратно в рюкзак.

– Что же, подождем, – прошептала она.

Глава 5

В три часа Бет наконец-то отпустили. Папа не перезвонил. Она отправилась в парк и несколько часов просто шагала взад и вперед, пожевывая ноготь на большом пальце и щурясь в небо, пока с него не сошли последние краски. Бет знала, что ей так или иначе придется встретиться с отцом, но легче от этого не становилось.

В конце концов, пытаясь не обращать внимания на то, как сжался желудок, Бет заставила себя пойти домой.

В прихожей было темно, и девушка запнулась о гору почтового мусора по дороге к двери гостиной. Рука слегка дрожала, когда Бет, подавив желание выбежать обратно на улицу, взялась за дверную ручку; вот уже несколько недель она не заходила в эту комнату.

– Просто попробуй, – прошептала она, крепче сжимая холодный металл.

Гостиная была похоронена под фотографиями; они покрывали каждый дюйм стен, валялись на ковре, как обломки разбившегося самолета, лежали стопками на каждом, кроме одного, стуле.

Оставшийся стул занимал коренастый лысеющий мужчина, читавший книгу в мягкой обложке; Бет смогла разглядеть название на выцветшем корешке – «Тайна железного кондора». Отец не поднял взгляда на дочь.

Внезапно девушка почувствовала, что в легких не хватает воздуха. По пути домой она прокручивала свои реплики снова и снова, мысленно стараясь выстроить рациональный разговор, но теперь?..

Она опустила взгляд на проплешину на папиной макушке и россыпь как будто приготовленных для птиц крошек на рубашке. Все ее репетиции оказались напрасными. В конечном итоге она просто выпалила:

– Меня исключили.

Он перевернул страницу; его глаза немного прищуривались, перебегая со строчки на строчку.

Желудок Бет сжимался все сильнее.

– Пап, ты слышишь? Пап, пожалуйста. Мне очень нужно, чтобы ты сосредоточился. Могут прийти из социальной службы и, может, полиции. Послушай, я... пап, я облажалась, серьезно. Пап, мне нужна пом...

Она замолкла, когда он поднял на нее взгляд.

Как-то вечером, три года и множество перемен назад, «Тайну железного кондора» читала мама Бет. Она любила старые шпионские романы о временах Холодной войны, о безопасно зловещем мире мягких фетровых шляп, зашифрованных кодов и бомб в портфелях. Тем вечером она отложила истрепанную мягкую обложку с тихим вздохом сожаления, не дойдя до части, которую с нетерпением ждала, но довольная, так как знала, что та будет ждать ее завтра. Нежно поцеловала мужа, перевернулась на другой бок и умерла во сне.

Папа Бет проснулся, одной рукой обнимая жену. Она была восковой и холодной, а ее руки оказались невероятно тяжелыми, когда он попытался их передвинуть.

Это было утром тринадцатого дня рождения Бет.

С той ночи он спал на стуле – Бет знала, что папа боится спать в спальне, хотя сомневалась, что он когда-либо в этом признается.

С той ночи он читал и перечитывал эту книгу с почти неистовой яростью, пока та не начала распадаться в его руках.

И с той ночи он смотрел на дочь *так*, с одинаково опустошенным, умоляющим изнеможением на лице.

– Все в порядке, – неуверенно проговорила Бет, злясь на саму себя, что отступила так просто. – Я... Я что-нибудь придумаю... Я со всем разберусь.

Он не ответил. Девушка осознала, что не может вспомнить, когда он в последний раз с нею разговаривал *настоящими* словами...

Выходя, она споткнулась, случайно наступив на фотографию улыбающегося мамино лица.

Отец издал защитный вопль, и на мгновение чаша ее гнева переполнилась, самую малость, как раз настолько, чтобы раздраженно на него огрызнуться:

– Я оставила деньги на столике в прихожей.

Бет почувствовала постыдное удовлетворение, когда отец вздрогнул.

«Он не виноват, – с усилием напомнила она себе, схватив рюкзак, и погрузилась, пройдя по коридору, обратно во тьму. – Он разбит. Такое бывает».

«А еще, бывает, люди исцеляются», – заговорил в ней более суровый голос: рубец на сердце уплотняется, но оно продолжает биться.

Отец опустил руки, это Бет могла понять; но каждый день, что он сидел на одном и том же чертовом стуле с одной и той же чертовой книгой, был еще одним днем, когда он не пытался их поднять. Бет чувствовала, что ее сердце падает каждый раз, когда она смотрит на него, потому что, даже если девушка не хотела признавать этого, она балансировала на краю той же черной дыры.

Бет с удивлением опустила взгляд на собственные руки, сжимавшие мобильник. Большой палец был готов нажать на вызов номера Кары, отображающийся на экране: чисто мышечная память. Девушка отшатнулась и отбросила телефон, со стуком упавший на тротуар. Бет побежала по улице, словно по ее следу шагала армия призраков.

Шел дождь, уличные фонари сочились на тротуары расплавленной медью. Слезы туманили взгляд, и она шла по улицам скорее инстинктивно.

Перед нею вырос сетчатый забор, огораживавший старую железную дорогу, и она бросилась на него и перелезла, не обращая внимания на ржавчину и свисающие провода, цепляющиеся за руки. Пути, на которые она приземлилась, были заброшенными и незаряженными, участком старой выведенной из употребления ветки. Бет поплелась вдоль них, пиная валяющиеся на земле пакеты из-под чипсов и размокшие газеты. Перед нею открылся вход в туннель, и она вбежала в него.

Только щелкнув одним из трех мощных фонариков, которые она держала в туннеле, Бет наконец-то почувствовала, что может успокоиться. Девушка пробежала взглядом по стенам.

Извивающиеся китайские драконы преследовали крошечные бипланы по кирпичной кладке, вслед за ними шуты вальсировали со скелетами. Огромная рука тянулась к фруктовой вазе, полной планет. Осьминоги, обвивающие якоря, вставшие на дыбы волки, сражающиеся змеи и города, парящие на плотных облаках. Это небольшое убежище под Майл-Эндрод было святилищем Бет: пять лет ее воображения, распыленные на шершавых стенах.

Она провела по ним руками, их текстура напоминала ободранную кожу.

– Что же мне делать, ребята? – голос ее эхом отозвался от сводов туннеля, и она прыснула сдавленным смехом. Она разговаривала со своими картинами, только когда дела шли совсем плохо; чтобы говорить с ними вслух, должно было произойти что-то сродни смерти первенца.

Обычно она прибежала к трафарету и аэрозолю, чтобы перекроить город, нарисовать себе безопасный уголок среди бетона: место, где можно было бы дышать. Не этой ночью. Не без Кары, с которой она делилась всем. Сегодня ночью Бет чувствовала себя оторванной от своего города.

Кара.

Гнев прошел сквозь Бет, подобно искре, разжигающей пороховой запал, оставляя по своему следу холод. «Я билась за тебя. Когда этого перестало быть достаточно? Если бы ты только промолчала, мы были бы спасены». В какое мгновение Кара перестала верить, что Бет ее защитит?

Один рисунок приковал ее взгляд: простой эскиз мелом, повторяющийся снова и снова, среди более диковинных образов: длинноволосая женщина, стоящая спиной, оглядывающаяся через плечо, как будто приглашая.

– Что же мне делать? – снова спросила Бет, но мама не ответила. Сейчас она жила только в мыслях Бет и на кирпичях и никогда ничего не отвечала.

Бет прижалась щекой к холодной, грубой стене. Простояв так мгновение, она начала вжиматься все сильнее и сильнее, пока горячая боль не охватила ее саднящие лицо и руки, словно, приложи она достаточную силу, ей удалось бы спрятаться под кожу города.

Низкий звук прорезал ночь, выдернув Бет из оцепенения. Раздался снова, назойливый и знакомый. Бет вдохнула слезы обратно. Девушка находилась за много миль до ближайшего места, откуда могла бы его услышать.

Звук раздался снова, эхом отскочив от кирпичей, – низкий стон поезда.

Внезапно Бет почувствовала спиной тепло. Она повернулась и открыла рот от увиденного.

Два пылающих белых огня неслись на нее из темноты туннеля, мусор и листья клубились вместе с ними. Из мглы сложилось исполинское очертание с зазубренными краями, полное инерцией движения. Брызнули и заискрились голубые молнии, озаряя стучащие колеса. Их звук отдавался в ушах, словно близкий гром.

Бреньк-клац-клац...

Одежда раздулась от внезапного порыва воздуха. Бет напрягла ноги, чтобы отпрыгнуть, но было уже слишком поздно, и она просто зажмурилась.

Бреньк-клац...

Визг металла по металлу заставил ее содрогнуться. Каждый мускул тела сжался, но не последовало ни сокрушительного удара, ни треска костей...

Едва осмеливаясь дышать, Бет открыла глаза.

Фары, чуть ли не в дюйме от ее лица, мгновенно ослепили девушку.

Она отступила от резкого света, упала, потеряв равновесие, и села на землю. Сердце колотилось, как отбойный молоток. Постепенно глаза приспособились к ослепительному свету. «Что это? Поезд?»

Нет – не поезд, не совсем. Он *выглядел* как поезд, но какой-то *анималистичный*. Свисток казался воем, он был окутан шкурой спутанных проводов, а корпус покрывали струппя ржавчины и граффити. Катаракты битого стекла застилали окна. Большие дыры зияли в боку, будто продранные огромными когтями.

Поезд издал гидравлический фырк и нетерпеливо поерзал колесами.

Бет отползла на пятой точке, не отрывая от него взгляда, пока не почувствовала стену за спиной. Девушка поднялась – и замерла.

Фары следили за нею, как глаза подозрительного животного. Поезд снова издал звук, на этот раз более спокойный, с как будто бы вопросительной интонацией в конце, словно проявлял любопытство.

«Что ты?» Бет покосилась сквозь блики и полушагнула вперед. Поддавшись импульсу, она нерешительно прошла мимо его колес и похлопала по боку. Послышалось радостное ржание – звук удовольствия.

«Что я должна делать? – недоверчиво подумала она. – Почесать тебя за ушком? Где, черт возьми, у тебя уши, и как я должна их почесать, а?» Она призадумалась, не похоже ли

это на серьезный нервный срыв. «Ты сломалась, – сказала девушка самой себе. – Этого не может быть по-настоящему».

Над поездом взвилась голубая электрическая волна, и Бет отпрыгнула назад. Мгновение он выглядел новым: корпус блестел первозданно и ярко – но только мгновение, а потом вернулась рябая металлическая кожа.

– Что ты? – снова тихо спросила Бет. – Чего ты хочешь?

Поезд опять прогудел, как будто в ответ, и двери головного вагона с шипением разъехались.

Бет заставила себя протянуть руку внутрь, ожидая, что ее вот-вот обдаст синим пламенем. Но не обдало. Она почувствовала, как будто впала в транс, поймав волну густейшего бреда. Девушка закинула ладони на пол вагона, готовая подтянуться и втащить себя на борт.

Ее окатила холодная мысль: «Что, если я не смогу вернуться?»

Она вспомнила, как свысока смотрела на нее Горкасл, как папа глядел снизу вверх, как Кара – это было невыносимее всего – куталась в свою оскорбленную ярость.

Бет посмотрела через плечо – на оглядывавшуюся со стены маму – и двинулась внутрь.

Глава 6

Двери загудели и тихо затворились. Бет повернулась на пятках и осмотрелась вокруг. Она была не одна. Десятки человек располагались на сиденьях: мужчины и женщины в деловых костюмах, подростки, слепые ко всему, кроме своих мерцающих телефонов, пенсионеры, наполовину похороненные под пластиковыми пакетами.

– Э... э-э, простите, – начала Бет, прокладывая путь по проходу между ними, – извините, но что это? Где мы?

Никто не ответил, никто даже не обратил на Бет внимания. Она подошла к девушке, на вид казавшейся ее ровесницей. Одета в шикарную школьную форму, та надувала пузыри из жвачки, как девочка-мечта из манги.

– Эй, – сказала Бет. – Что происходит?

Девушка, не взглянув на нее, продолжала надувать пузыри: надует, лопнет, втянет назад, пожует; надует, лопнет, втянет назад, пожует...

Понаблюдав за ней, Бет поняла: все пузыри совершенно одинаковы, и каждый лопается на одинаковом расстоянии от ярко окрашенных губ.

По телу пробежала дрожь понимания. «Это один и тот же пузырь», – догадалась Бет.

Оглядевшись, девушка увидела: все остальные пассажиры вагона тоже повторяли одни и те же действия снова и снова: почесывали нос, скрещивали ноги, тыкали в мобильники, переворачивали страницу. Она не заметила этого сразу в тусклом, мерцающем свете, но, присмотревшись, увидела секундную заминку при повторной загрузке программы каждого человека. Пока Бет смотрела, девушка перед ней качнулась и поблекла, и через ее живот начал просвечивать материал сиденья, потом она снова появилась, выдувая свой идеальный пузырь.

– Вы ненастоящие, правда? – тихо проговорила Бет, от осознания странности происходящего ее забила дрожь. Она повторила громче: – Вы ненастоящие...

«Вы призраки? – с трепетом предположила она. – Вы однажды попали здесь в ловушку?» Но они не казались призраками, скорее воспоминаниями – воспоминаниями о пассажирах, о нескольких секундах их жизнью, выхваченных из времени и закрепившихся внутри поезда, повторяющихся снова и снова, как исцарапанная пластинка.

Бет пробежала взглядом по вагону с линялыми тканевыми сиденьями и шелушащимися панелями. Вспомнила вопросительное фырканье, которое издал поезд. Девушка попала внутрь живого существа. Она находилась в его разуме?

«Эти люди – твои воспоминания? Ты их вспоминаешь?»

Взвизгнули тормоза, зашипела гидравлика. Вагон заходил ходуном, и Бет почувствовала, как скручивает живот. Поезд тронулся.

Девушка бросилась к двери и ударила по кнопке, но ничего не произошло. Паника накатила на нее, и Бет прижалась лицом к окну. Через потрескавшееся стекло штришками замелькали кирпичи туннеля, проносящиеся мимо, все быстрее и быстрее. Бет была заперта – а они тем временем набирали скорость. Отпрянув от двери, девушка устремилась к кабине машиниста: может, удастся остановить поезд оттуда? Синие искры мерцали на зубах призрачных пассажиров, непоколебимо покачивающихся вместе с поездом.

Дверь в кабину машиниста оказалась заблокирована и, как Бет ни выкручивала ручку, не сдвинулась с места.

– Христос на велике! – завопила она, отводя кулак назад, и отчаянно вдарила им по двери...

...он прошел сквозь нее.

Бет вздрогнула и дернула руку обратно.

Второй раз попробовала медленнее: рука прошла через металл, словно тот перешел в парообразное состояние.

Дверь, как и выдувающая пузыри девушка, была иллюзорна, словно мысль.

Мгновение поколебавшись, Бет шагнула сквозь нее.

Поезд вырвался из туннеля.

Широко распахнутыми глазами Бет осматривала кабину. Машиниста не было. Воздух бил в лицо, словно у поезда не было лобового стекла. Она почувствовала, что страх отступил, и как только ей удалось подавить панику, нечто другое – горячее, дикое возбуждение – выросло на ее месте. Бет потянулась и погладила рычаг управления. Двигатель мурлыкнул. Синие электрические разряды заплясали вокруг руки, но не касались ее.

Ветровое стекло, казалось, дрогнуло. Бет глубоко вздохнула, наклонилась вперед, и стекло разошлось вокруг головы, словно холодный туман. Схватившись за края панели управления, девушка повисла на иллюзорном носу поезда, как резная фигура на носу корабля. Под нею пронеслись полчища шпал, в воздухе разливался запах дизельного топлива. Обнаружив, что ветер подхватывает ее истерический смех, Бет издала бессвязный крик восторга, и паровозный свисток радостно прогудел в ответ.

Они хлынули на огромный опутанный рельсами путепровод, ведущий к вокзалу «Ватерлоо»; вдалеке громоздилась объемистая куча. По обе стороны домики, рекламные щиты и мерцающие башни сплавлялись в непрерывную реку тьмы и всполохов желтого света. Железнодорожные светофоры прожигали красным огнем осенний туман, висящий над мостом, черным и темным, как эшафот палача.

Бет не просто ехала на поезде, она ехала на всем *городе*. Переполненная восторгом, она издала ликующий вопль – но крик торжества умер в горле: другая пара огней неслась им навстречу.

Еще один поезд.

Бет уставилась на него.

Каждую секунду огни становились ближе, и с каждой секундой ее уверенность крепла. Волнение переросло в ужас. Девушка недоверчиво открыла рот, но все было именно так.

Другой поезд шел по *их* пути.

– Стой! – закричала она *своему* поезду. – Стой, мы же столкнемся с ним! – но ветер унес ее голос, и создание не сбавило скорости, хотя другой локомотив, их зеркальное отображение, неумолимо приближался. Теперь Бет могла рассмотреть его: массивный, армированный тяжелой сталью, товарный поезд в желто-черную, как оса, полоску. Но *этот* поезд тоже был ненастоящим: вокруг него непрерывным ураганом вихрилось электричество, предохранительная решетка походила на челюсть. Рев резкого парового свистка обдал ее шею, как боевой клич.

Внезапно в воздухе сгустилось электричество. Запахло горелым. Бет повернулась и побежала, нырнув обратно в дверь машиниста, пошатываясь, прошла по проходу между ерзающих воспоминаний...

«Пошевеливайся, Бет, пошевеливайся...»

– Слишком медленно, – в голос прокричала она. – Слишком медленно!

«Господи, Бет, ты слишком мед...»

Скрииииииип!

Пронзительный металлический скрежет, дрожь столкновения. Поезд резко остановился, Бет отбросило назад и швырнуло об пол, желудок перевернулся. Холодный туман стенки живого поезда-призрака на секунду рассеялся, и она выкатилась на рельсы.

«Не хватает воздуха!» Мгновение легкие судорожно хватали пустоту, а потом девушка зашла в кашле.

Руки саднили, горячая кровь размазалась по лбу. Она приподнялась на локте...

... и уставилась на невозможное.

Не было и следов столкновения, никакой покорёженной, дымящейся, раскалившейся добела стали. Поезда стояли над нею, лежащей на рельсах: футов на сорок выше. Их передние вагоны поднялись с путей, как змеи, и...

И сражались.

Бодались и сцеплялись друг с другом, переплетались предохранительными решетками, словно рогами. Призраки шипели и визжали от крайнего машинного напряжения. Но товарный поезд был больше и тяжелее. Его вагоны сжались, как мускул, и он швырнул поезд Бет вниз. Земля содрогнулась, и Бет задрожала вместе с нею, а товарняк рванулся следом, шустрый, как кобра, вгрызаясь колесами в ходовую часть своего противника.

Искры и что-то вроде масляной крови хлынули из паровоза Бет, и он закричал.

– А ну прекрати! – завопила Бет, шагая вперед, размахивая руками, словно надеясь отогнать дикое животное. Она зашлась кашлем, полуобезумев от столкновения и дыма, но лезла по искореженному телу своего поезда, вопя, как слабоумная.

– Пошел вон! – снова прокричала она, дым разъедал горло, чуть ли не до кровотечения. – Убирайся!

Огромный товарный поезд изогнулся назад, оплетенный синими молниями, готовый ударить. Он мигал и расплывался, оставляя странные послеобразы: паровоз, приземистый поезд метро, одно воспоминание сменялось другим, будто он не мог вспомнить, каким был на самом деле. Паровой свисток ревел, словно его терзали.

Холодный белый луч, бьющий из глаз-фар, остановился на Бет, и поезд фыркнул паровым дыханием.

Девушка почувствовала на себе его не предвещавшую ничего хорошего тяжесть.

– Во имя Темзы, уйди с чертовой дороги!

Бет пошатнулась – кто-то оттолкнул ее в сторону Краем глаза она заметила фигуру: тощий парень в одних грязных изодранных джинсах. Кожа его была серой, словно бетон, лицо напряглось от страха.

А потом товарняк обрушился вниз, и решетка-челюсть вспорола рельсы. От удара мир в глазах расплылся, утратив очертания. Фигура исчезла. Бет затрясла головой, пытаясь прочистить ее, сбитая с толку грохотом. Ей показалось?..

Нет, вот он – каким-то образом вскочил на чудовище.

Его ребра проступали на груди с каждым тяжелым вздохом. В руке парень сжимал что-то вроде железного прута и, когда Бет посмотрела, как раз вонзал его вниз снова и снова, в металлическую плоть живого поезда. Импровизированное оружие прокалывало сталь, как фольгу, и каждый раз, когда оно входило, существо издавало *вопл*.

Колеса взрычали, приходя в движение, и завизжали по рельсам, Бет резко откатилась с их пути. Уши заложило, когда товарняк прогремыхал мимо нее с серым парнем, по-прежнему цеплявшимся за его крышу. Затем поезд набрал скорость, и тащившиеся за паровозом вагоны исчезли в иллюзорном небытии.

Бет встряхнулась, словно собака, пытаясь вернуть чувствительность исцарапанным конечностям и разум – голове. Она заставила себя встать и побежала к *своему* поезду.

Тот жалобно мявкнул ей свистком.

– Эй, – прошептала она. – Эй, ты в порядке? – Она похлопала и погладила его, хотя прикосновение к металлу вокруг его ран почти обжигало. Поезд пошевелился и снова что-то прогудел. Девушка почувствовала его страх и боль, вздыбливающие волосы на руках. Сквозь окна она видела воспоминания людей, повторяющие свои действия, но теперь на их лицах читался испуг.

Поезд застонал и с мукой перекатился, вставая на колеса.

– Хороший мальчик, – прошептала она, – хороший мальчик. Послушай, там парень – тот товарняк увез его. Он... он оттолкнул меня, чтобы спасти, – мы должны помочь ему... ты сможешь?..

Возможно, поезд не понимал ее – разве он должен? Или, возможно, был просто слишком напуган – но нет, спустя мгновение, он, встряхнувшись, двинулся вперед, не прекращая мычать в животной панике, и, закрутив осями, погрохотал в сторону станции.

Бет, одинокая и крошечная, стояла, глядя ему вслед, втягивая воздух полными легкими. – Подожди... – начала было она, но запнулась, посмотрев назад.

Грозная дробь позади нее становилась все громче: товарный поезд с победным воем мчался назад. Бетонокожий парень трясся, свисая с поезда, его тело болталось по ветру, словно вымпел.

Бет с ужасом наблюдала, как поезд-зверь устремился прямо на стену виадука, но потом, за секунду до удара, повернулся боком, и воздух наполнился отвратительным скрежетом металла о кирпичи, ужасным, зубосводящим металлическим визгом – визгом, пронзенным человеческим криком.

Когда пронеслись последние вагоны, она увидела его – парня цвета бетона, распротертого лицом вниз на рельсах.

Каждый атом ее тела кричал ей бежать – она не должна быть здесь; она никогда не должна была садиться на поезд.

Но воспоминание о локте парня, оттолкнувшем ее в сторону, остановило Бет.

Он спас ее жизнь.

И Бет побежала – побежала к нему, проклиная свои неповоротливые ноги и израненные руки, повисшие без сил от изнеможения.

В тени станции товарный поезд замедлял обороты, как бык, разворачивающийся для последней атаки, чтобы прикончить противника. Вот он уже мчит обратно – Бет видела его безумные, широко раскрытые фары.

Она упала на колени прямо на гравий. Парень не двигался. Лодыжки раненого были придавлены тяжелыми кусками камня, спина – жестоко разорвана там, где его протащило по кирпичам. Поблескивающая кровь оказалась темной, как нефть.

– Очнись! – Бет похлопала серокожего по лицу. – Проснись! – потрясла сильнее. По дрожи рельсов девушка понимала, что товарняк совсем близко.

Бреньк-клац-клац...

– Очнись! – заорала она.

Наконец он слабо шевельнулся и что-то пробормотал, но девушка не смогла разобрать слов.

– Очнись! – Она схватила парня за руки и попыталась оттащить, но ничего не получилось – его ноги по-прежнему были в ловушке.

Гром наступающего товарняка ворвался в уши.

Веки парня вздрогнули.

Он снова пробормотал, и на этот раз Бет смогла разобрать слово в его выдохе:

– Копье...

Бреньк-клац...

– Копье? Какое копье? Где?.. – она заозиралась по сторонам.

Железный прут лежал поперек путей, содрогаясь от приближения чудовища. Бет схватила его липкими руками и засунула под камень. Она бросилась на рычаг всем своим весом, и меньший из камней приподнялся, самую малость.

Парень с криком вскочил с земли. Его плечо задело Бет за живот, подбрасывая ее над землей. Прут стукнул девушку по руке, когда он схватил его.

Голова Бет дернулась назад. Окатив их светом фар, товарняк взревел. Парень захрипел и метнул прут, который проколол переднюю решетку, а другим концом впился глубоко в землю.

Вскипела вспышка голубого света, послеобраз огромных, затупленных гнилых зубов. А потом Бет поглотила тьма.

Мир медленно возвращался под отдаленный свист уличного движения. Нос подсказал Бет, что она жива, – насколько она знала, ни рай, ни ад не пахли засорившимся водостоком Саутурка. Она не открывала глаз. По гравию у головы прохрустели шаги.

– *Выглядишь* мертвой, – в голосе слышался ист-эндский выговор. – Но пахнешь не как мертвая и, если то, что я слышу, – сердцебиение, тогда и звучишь не как мертвая.

Рука проскользнула под ее плечи, другая придерживала голову, и ее подняли.

– Давай, вставай на свои спички, – парень помог ей восстановить равновесие и, отступив назад, нахмурился, опершись на прут.

Он выглядел лет на шестнадцать, но сказать наверняка было трудно: глаза сидели в глубоких впадинах, а скулы были острыми до крайности, словно его морили голодом. Кожа, натянутая на ребрах, была пестро-серой, как будто он промокнул городскую копоть и нефть, навсегда оставшись пятнистым. Он выглядел уличным мальчишкой из старых книг, но более диким, более грубым и отчасти взрослым.

Бет в замешательстве уставилась на него широко открытыми глазами, огляделась, не видя никаких признаков поезда-зверя.

– Куда он делся? – задыхаясь, спросила она. Этот вопрос казался более срочным, чем напрашивавшийся следующий: «Кто, черт побери, ты такой?»

– Рельсовая химера? – переспросил он. – Я заземлил ее, увел заряд в почву. – Он печально пожал плечами. – Мог бы и раньше докумекать, полагаю, но когда что-то такое большое и сердитое бросается на тебя из темноты, первое, что приходит в голову, так это пригвоздить его чем-нибудь острым, понимаешь, о чем я толкую?

Он серьезно покосился на нее, а когда девушка еще сильнее распахнула глаза, рассмеялся:

– Долго думаешь, значит не понимаешь. Чего, во имя Темзы, ты хотела добиться, вот так на нее крича? *Урезонить*? Думаешь, Железнодорожные духи умеют говорить?

Бет беспомощно развела руками.

Капельки пота бензинового оттенка выступили на причудливо окрашенной коже парня, прочерчивая дорожки вокруг резко выделяющихся мускулов, сухожилий и костей.

– Ты *странная*, – заявил он. Порассматривал ее еще несколько секунд, словно Бет была особенно причудливым музейным экспонатом, а потом фыркнул и потопал мимо нее к краю путепровода.

– Подожди! – окликнула девушка. – Подожди, куда ты идешь?

Парень не обратил на ее внимания, и Бет пришлось пробежаться, чтобы его догнать, внезапно и болезненно обнаружив ушибы, покрывающие ноги и спину.

– Ты не можешь просто *уйти* — эй, я с тобой разговариваю! – она схватила его за руку. – Я спасла тебе жизнь... – она запнулась, когда он резко обернулся.

Его зубы обнажились, как у шипящей дикой кошки:

– Да? – рявкнул он. – Что ж, я спас твою первым, и, полагаю, судя по тому, как все складывается, моего достижения хватит намного дольше, чем твоего.

Рассвет только-только начал заниматься на краю неба, и в полутьме Бет разглядела напряжение вокруг глаз парня. Он нахмурился, стараясь выглядеть сильным, и ее страх улетучился: впервые он был не потусторонним самоуверенным существом улиц, но напуганным до смерти подростком.

– И что это значит? – мягко спросила она. – Чего ты так боишься?

– Я не боюсь.

Бет просто продолжала смотреть на него.

– Не понимаю, какое тебе до этого дело, – ответил он после долгой паузы, – но эта Рельсовая химера была отправлена... отправлена за мной. Кто-то пытается убить меня. Кто-то, кто... – он прервался и нервно посмотрел на горизонт, линию которого нарушал купол Святого Павла. Подъемные краны вцепились в нее, словно безжалостные металлические пальцы.

– Поверь, – пробормотал он, – если бы он хотел тебя убить, тебя бы тоже прокирпичили. – Он замолчал, подозрительно скосившись на голубя, пролетающего над головой.

– И? – спросила Бет.

– Что «и»? – он перевел на нее угрюмый взгляд.

– Кто пытается убить тебя?

– Какое тебе дело?

– Какое мне *дело*? – вопрос озадачил Бет. – Я... я просто...

Он воткнул свой прут между рельсами и скрестил руки на груди. Страх, который она заметила, исчез, заслоненный фасадом бравады:

– Что?

– Послушай, – Бет стиснула зубы. Он, может, и спас ее от того, чтобы быть раздавленной, сожженной и убитой электрическим током, но его высокомерное отношение откровенно бесило. – Я спасла твою чертову жизнь, так? – парень было заспорил, но она подняла руку. – *Не* перебивай меня. Признаешь ты это или нет, я спасла *твою* жизнь. Знай я, что ты собираешься пойти и дать себя убить, то и не беспокоилась бы. Зря, получается, напрягалась.

Лицо парня приобрело еще более грязный оттенок серого.

– Я тоже спас твою жизнь, – огрызнулся он.

– Да, – согласилась Бет, – дважды. И к чему ты клонишь? Из-за того, что ты спас мою жизнь, я не должна печься о том, что кто-то пытается отнять твою?

– Что? – теперь парень выглядел смущенным.

– Ты *спросил*, какое мне дело, – Бет говорила с преувеличенной настойчивостью. – А почему мне *не должно* быть дела? Зачем ты вообще рассказал мне, если не ждешь от меня помощи? «Ох, кто-то пытается убить меня!» – она с притворным ужасом обхватила ладонями щеки. – Я должна была впечатлиться?

Парень моргнул и наморщил лоб:

– А разве ты не впечатлилась? – тихо поинтересовался он.

– ДА! – заорала Бет. – ЧЕРТОВСКИ ВПЕЧАТЛИЛАСЬ! ПОТОМУ И СПРАШИВАЮ! – и она тяжело опустилась на гравий.

Парень с робким и окончательно потерянным видом сел подле нее.

– Спасибо, – пробормотал он. – Спасибо, что спасла меня.

Бет тяжело вздохнула:

– И тебе тоже, – кивнула она, протягивая руку. – Я Бет. – Он пожал ее, но ничего не сказал в ответ. – А тебя как зовут?

Он только покачал головой.

– Отлично, будь чертовски таинственным, – девушка вздохнула. – Но если бы это произошло в моей школе и ты бы не представился, они бы сами тебя как-нибудь прозвали, понимаешь, о чем я? И поверь мне, кликуха бы тебе не понравилась.

«Вероятно, тебя бы прозвали Оборванцем, – подумала Бет. – Так и буду теперь тебя звать. Тем более, что ты выглядишь, как стоп-кадр программы “Помоги лондонскому ребенку” пять лет спустя».

Мгновение они сидели в тишине. Он потирал запястья, и Бет впервые заметила на них метку – татуировку, шиферно-серую на фоне более светлой кожи. Она напоминала полукруг домов-башен, формирующих спицы короны.

– Так кто пытается тебя убить? – начала было она, но он резко оборвал ее:

– Не надо. Не задавай вопросов. Не пытайся. Этой ночью ты видела чудовищ. – Он болезненно усмехнулся. – И я, вероятно, худшее из них, так что просто забудь меня. Вы, люди, можете забыть все, что угодно, если хорошенько постараетесь.

– Да ладно, – возразила Бет, – кто бы это ни был, он не может быть таким уж плохим. То, как ты сделал тот поезд...

– Он хуже, – отрезал парень.

– Ага, но все же – кто бы это ни был, держу пари, мы могли бы ему показать.

Мы. Она не знала, с чего вдруг так сказала.

Асфальтово-серые глаза встретились с ее глазами. Парень улыбнулся, и она улыбнулась в ответ, но потом он с сожалением покачал головой.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Слушай, ты занятая – в костеломажущем смысле. Может, когда все это закончится, ты сможешь найти меня. – Он бледно улыбнулся. Не было похоже, чтобы он питал особые надежды, что «когда все это закончится», от него останется хоть что-то, что можно будет найти.

– И где мне искать тебя? – поинтересовалась Бет.

Помедлив, он сказал:

– Судя по выговору, ты из Хакни...

Она кивнула.

– Хорошо. Девочка из Хакни, ищи меня на танцах, где свет служит музыкой, где бег Рельсовой химеры бьет в барабаны. – Он оценивающе наблюдал за нею. – Ищи меня в преломленном свете, когда все это закончится, и, может быть, тогда мы потанцуем. А пока иди. Хватит и того, что *мне* предстоит выйти против надвигающегося. Не хватало еще, чтобы ты путалась под ногами.

Предложение уйти сжало желудок Бет железным кулаком.

– Почему нет? – прошептала она.

Он улыбнулся ей одной стороной губ:

– Потому что я спас *твою* жизнь, – пояснил он. – Будет обидно, если зря напрягался.

– Послушай, приятель... – начала было Бет, но в это мгновение серокожий парень вскочил и припустил прочь вдоль путей.

Бет выругалась и побежала за ним. Она никогда не бегала так быстро; ее истерзанные мышцы протестующе скрипели, как рельсы, мелькающие под ногами. Секунду они бежали бок о бок, потом медленно, мучительно медленно, он вырвался вперед. Дыхание обжигало легкие Бет, а он просто бежал все быстрее и быстрее. Его движения стали странно плавными, волнообразными, как у уличной крысы. Он уже почти не выглядел человеком.

Серокожий вспрыгнул на стену виадука и превратился в силуэт на фоне Лондона. На мгновение хаотичный контур города на фоне неба показался ей армией, вставшей за спиной тощего парня. Потом он спрыгнул с края.

Бет подбежала несколько секунд спустя, хрипя и ругаясь. Вытянула шею, заглядывая за стену. Ранние утренние машины гудели с улицы под нею. Но среди их проносащихся мимо теней она не увидела никого.

Глава 7

Барьер Темзы взрезает воду, сверкая, как костяшки гигантской латной перчатки. Суббота, и потому промышленные зоны Северного Гринвича безжизненны – небольшие огражденные пустыри. Гаттергласс может появиться где угодно в Лондоне, но есть места, где мусорный дух становится сильнее, где он срастается с каждым кирпичиком, с каждой порой в бетоне.

Я сижу на корточках на автостоянке, позади машины с двумя отсутствующими колпаками и картонной табличкой «Продается» в окне. Мимо шмыгают крысы, но я не обращаю на них внимания. Рано или поздно они передадут сообщение Гласу, но я хочу, чтобы оно дошло быстрее.

Погружаю руку в землю. Почва рассыпается между пальцами, маленькие черные муравьи кишат на моей ладони. *Так-то лучше.*

Я вытягиваю из кармана маленькую бутылочку, зубами сдергиваю крышку и позволяю парам достичь усиков насекомых. Они замирают на мгновение, потом испуганно трепещут и мчатся по тыльной стороне моей руки, вниз – по ноге, и, наконец, – в землю. Ничто не сравнится с коллективным разумом роя по скорости передачи данных.

Теперь я жду и думаю о девушке из вчерашней ночи – о ее широких плоских скулах и растрепанных волосах.

«Мы могли бы ему показать», – сказала она: *мы*, хотя я познакомился с нею всего за пять минут до этого и мог унюхать ужас в ее поту сквозь всю толпу на Оксфорд-стрит субботним днем. Что за человек может так *думать? Мы.*

Я один, и это секрет, поэтому я позволяю себе улыбнуться.

Над головой кружат и орут чайки. Пока я смотрю, одна выпадает из ленивого круга и молниеносно пикирует к земле, быстро хлопая крыльями, чтобы смягчить посадку. Чайка косит на меня желтым глазом. Я вижу комок, растягивающий ее горло, вижу, как она дергает головой назад и вперед и тужится.

Со скользким хлопом клубок червей и мокриц вываливается из ее клюва на землю, расплзаясь по бетону. Мой маленький муравей отбегаёт от кучки – его работа сделана. За ним тянется липкий след птичьей слюны.

Я наблюдаю, как трудятся жуки: тащат пустые трубочки из фольги, пакеты от чипсов и куски фанеры в центр пустыря. Свирепыми скрежещущими жвалами жуки-слоники рвут полиэтиленовые пакеты на полоски. Сначала формируются пальцы, потом икры и бедра, и передо мной неуверенно встает беспорядочная мусорная скульптура.

Мигают глаза – яичные скорлупки. Они и только они всегда одни и те же. На этот раз Глас – женщина: ржавый велосипедный руль служит ей бедрами, длинные полоски порванного пластика – волосами. Головной конец червя грустно извивается на конце одной из рук. Я нахожу в грязи у ног палочку от фруктового льда и протягиваю ей. Червяк обвивается вокруг палочки и сгибает ее, превращая в суставы пальцев.

– Спасибо, – говорит Глас. Яично-скорлупковый пристальный взгляд фиксирует ожоги и черные кровоподтеки на моей груди. Еще вчера она бы неодобрительно восклицала или сочувственно ворковала, но с тех пор многое изменилось.

– Ничего, с чем не справилась бы твоя способность исцеляться, – с удовлетворением замечает она. – Призрак мертв, как я понимаю?

– Заземлил его за «Ватерлоо», – уточняю я. – Отделался легким испугом. Думаю, избыток энергии оказался для нее чрезмерным и сломал за несколько часов. Она была в замешательстве, уже истекала кровью. В конце концов, я просто проявил милосердие.

– Уже что-то. Хоть и мелочь. – Глас вздыхает, как будто теперь должна быть благодарна за мелочи. Поколебавшись, добавляет: – Мои голуби видели очертания волка, бродящего по стройплощадке. И Балковый Паук сообщили, что около полуночи позавчера вечером почувствовал всплеск силы через сеть. В то самое время, когда, как ты говоришь, призрак вошел в зону Выси. – Ее голос сквозит сочувствием. – Мне жаль, Филиус, действительно жаль, но Вись собирает свои силы. Не осталось никаких сомнений: *это* он.

Чувствую, как будто пытаюсь проглотить кусок кирпича. До сих пор я не осознавал, как сильно надеялся, что Глас ошибается.

– Не понимаю, – бормочу я. – Почему теперь?

Она поворачивает голову. Ветерок раздувает пряди мусорно-мешковых волос, заслоняя лицо.

– Филиус, – осторожно говорит она. – Ты должен знать кое-что еще. Ходят слухи – и если Вись готовится к войне, то, возможно, лишь потому, что прислушался к ним. – Она облизывает губы языком из старой губки.

Волнение охватывает меня.

– Какие слухи? – спрашиваю я.

– Что скоро дорожные знаки перестроятся, – она говорит очень тихо, – а бездомные кошки, задрав хвосты трубой, замаршируют по тротуарам.

Бесконечное мгновение я просто стою столбом, чувствуя себя и, без сомнения, выглядя эпическим дураком.

– Она... она... возвращается? – не уверен, что сказал это вслух.

Глас воззряется на меня:

– Мне жаль, – говорит она, и я взрываюсь. Все напряжение в моей груди умножается с раскрытием этой тайны.

– *Почему ты мне не сказала?! –* кричу я на нее.

Глас с несчастным видом пожимает плечами.

– Не было ничего конкретного. Я не хотела обнадеживать тебя и не хотела... – она запинается. – Не хотела, чтобы ты напугался.

– *Чего* напугался? – спрашиваю я. – Она – моя *мать!*

– Но и Богиня тоже, – возражает Глас, – и вовсе не Богиня доброты.

– Как это понять?

– Надвигается война, Филиус. Король Кранов и Уличная Леди не поделят город. Фронтоны, водостоки и люки наполнятся кровью. Вись уничтожил ее королевство годами, разрывая и порабощая его, что бы он ни строил у Святого Павла, и ты не остановил его. Ты – ее сын, и ты не остановил его. Тот собор был ее драгоценной короной, а ты отдал его без боя. – Ее тон ужасающе нежен. Она старается, чтобы слова не прозвучали так, будто это моя вина.

– Я не мог помешать этому, – протестую я, теперь недоумеваю и пугаясь. – Мне никогда не доставало сил...

Она утихомиривает меня, обвивая руками. Я чувствую тепло гниющего мусора.

– Понимаю, – шепчет она. – Подождать было правильно. Безопаснее. Но если Вись выступит против нас, мы лишимся и этой роскоши.

Мысли кружатся в голове. Голос Глас становится низким, настойчивым:

– Ты должен действовать, Филиус. Ты прав, я должна была сказать тебе раньше. Вись стал сильным – слишком сильным – без твоей матери. Нам нужна армия: Тротуарные Монахи, Зеркальная знать – старая гвардия. Мы должны пошевеливаться, или к тому времени, как прибудет Госпожа Улиц, Небоскребный Трон будет занят, и не тобой.

Но я едва слушаю. Все, о чем я могу думать, – это: она возвращается, *она возвращается, она возвращается...*

– Ты должна была сказать мне! – огрызаюсь я на Гаттергласс. Она пытается меня удержать, но я вырываюсь и убегаю.

Ожидая ее оклика, я оглядываюсь назад, но она просто смотрит на меня пустым взглядом: Гаттергласс – дух городских отбросов, нянька, которая заботилась обо мне вместо...

Она возвращается.

Я наблюдаю, как мусорное тело крошится, словно пепел, и опадает.

Глава 8

Бет стояла на Вендовер-роуд, наблюдая за знакомыми очертаниями Кары, двигавшейся за окном на другой стороне улицы.

Люди спешили мимо, возмущенно толкая ее. Женщины были одеты дико контрастно: джинсы и кроптопы, хиджабы, иногда – паранджи. Был конец дня, с рыночных прилавков убирали дешевые DVD-диски и пластиковые часы. Мужчины вели бурные беседы в застекленных ресторанах над тарелками бирьяни или смотрели хоккей телевизорах с приглушенным звуком. В воздухе плыл аромат карри, пряностей и перезрелых фруктов.

Все кричало «Кара» так громко, что Бет начала задыхаться. Перенеся вес на другую ногу, она передумала в четвертый раз.

Все, что ей нужно было сделать, так это закричать – возможно, всего лишь одно слово. Окно Кары открыто – она услышит. Всего одно слово – и та спустится вниз, и они сядут, прислонившись спинами к кирпичам в соседнем переулке, и Кара отговорит Бет ото всех безумств, которые та планирует совершить.

Бет поднялась на цыпочки, почувствовав, как крик растет внутри нее...

...но снова остановилась, ощутив во рту привкус, тот же, что появился в кабинете Горкасл, заставивший ее сплунуть, заставивший перехотеть, чтобы Парва Хан была рядом.

Меньше, чем день назад, она бы думала, что Кара поверит ей. Она бы доверила Каре право *доверять* ей.

Теперь доверие было разрушено, и осознать это оказалось все равно что жевать фольгу.

Кроме того, девушка не знала, будет ли Кара *с нею* разговаривать.

Би, ты сделала еще хуже.

От воспоминаний о каменно-безжизненном тоне Кары Бет захотелось развернуться и броситься прочь с ее улицы.

Но она не могла уйти, не сказав своеобразное «прощай», неважно, как бы сильно какой-то маленькой измученной части ее этого ни хотелось. Бет сунула руку в карман и потеряла большой палец о лежащий там черный мелок.

Пунктир, появившийся вокруг входной двери в дом Кары, при ближайшем рассмотрении был картинками: крошечные поезда с разрядами электричества под колесами. Бет вывела эту маленькую процессию за угол, в переулок, будто след из крошек.

И там, на кирпичях рядом с металлическими мусорными баками, нарисовала лицо Кары – улыбающееся, любовно прорисованное. Прощальный подарок.

Дневной свет выцвел, замигали фонари. Бет изо всех сил сосредоточилась на том, что сказал парень: «Ищи меня в преломленном свете». Она весь день проломала голову над этой загадочной фразой.

«На танцах, где свет служит музыкой, где бег Рельсовой химеры бьет в барабаны».

Девушка перебирала его слова, прощупывая их смысл. Они звучали пугающей невнятицей сумасшедшего, каковой, призналась она самой себе, вполне возможно, и были.

Бет вспомнила потрясение от того, как он отпихнул ей, прикоснулась к ушибу под толстовкой и вздрогнула. Ее кожа, очевидно, была полна решимости сохранить воспоминание, как и ее мозг.

«Подумай, Бет: что ты о нем знаешь? Итак, он бежит среди ночи по лондонским железнодорожным путям без рубашки и ботинок, но с чертовски большим металлическим прутом, бормочет беспредельно загадочную чепуху о свете, музыке и чудовищах и рискует быть расплюснутым пятисоттонным разъяренным поездом, только чтобы спасти тебя. Согласись, непохоже на характеристику кого бы то ни было, обремененного здравомыслием».

Она осеклась, но потом ее поразила мысль: что, если указания вовсе не были загадочными? Он выглядел не просто тем, кто спит на улицах, но тем, кто делает это *всегда*. Бет осенило: названия улиц и номера домов могут быть бессмысленным кодом для того, кто никогда не жил ни в одном из них.

Что если он рассказал Бет, где его найти, настолько понятно и просто, насколько мог?

Бет облизала губы, терзая память в поисках подходящего места. «Где бег Рельсовой химеры...» Это должно быть рядом с железнодорожной линией. Он уточнил, что она из Хакни, что сужает круг поисков. Бет заволновалась сильнее, обдумывая его слова. И все же: где *свет* служит *музыкой*?

В памяти всплыло: железнодорожный пешеходный мост, заросший ежевикой, с досками, покрытыми броней жвачек, ставших тверже бетона. Место встречи, которым она поделилась с Карой, где они обменивались сладостями и секретами.

Когда внизу пронеслись поезда, колеса стучали по рельсам, словно барабаны.

А еще там, в тупике, стояло четыре уличных фонаря. Когда они зажигались, их свет мерцал в «изломанной гармонии», как говорила Кара. Бет всегда считала, что это почти что красиво; в их вспышках определенно прослеживался ритм. А разве ритм – не все, что, в конечном счете, нужно для танца?

За неимением лучшего, хорошее место для начала.

Бет оглянулась на окно Кары, и все ее возбуждение иссякло, вытесненное тошнотворным страхом. Конечно, когда девушка отвернулась, она была тут как тут: острая белая боль, поднимающаяся по ребрам. «Похоже на фантомные боли, – строго сказала она самой себе, – как у солдат». Она попыталась заставить себя поверить, что боль приходила из пустоты, из ампутированной любви.

Всего три шага, и она снова нырнула в переулок.

– Ты – мягкотелая идиотка, Брэдли, – пробормотала она, злясь на себя и грубо набрасывая еще один рисунок на кирпичях: тощего парня, держащего металлический прут, как копье. «Иду на охоту, – накарябала она под рисунком. – Ищи меня в преломленном свете».

Зародившись в мозгу, собственный гнев злобно зашипел на нее, но секрет был слишком большим и слишком томящим, чтобы хранить его одной, и, несмотря ни на что, Кара по-прежнему была единственным человеком, с которым Бет могла бы этим поделиться.

«Изломанная гармония, помнишь?» – наконец написала она, прежде чем закинуть за плечи рюкзак и заставить себя шаг за шагом уйти прочь.

Глава 9

С неба сочится ночь. Дыхание люков превращается в пар. Город шевелится и рисует тьмой. Настало время Натриевых танцовщиц.

Я стою на прогалине между домами-башнями, на пешеходном асфальтовом островке, возле железнодорожного моста, вдали от дороги. Уличные фонари прокалывают асфальт в четырех точках – по одной на каждую сторону света. Пара подростков стоят на мосту, курят и старательно меня игнорируют, пока в воздухе лениво угасает тепло.

Медленно – сначала медленно – внутри фонарей занимается свет; первые шаги танцовщиц за стеклом едва отдаются свечением: всего несколько крошечных вспышек, когда они ударяют пятками. Изящная рука внутри одной из колб извивается и манит, искры слетают с пальцев.

Хрустнув суставами, я потягиваюсь и глубоко вдыхаю.

Теперь все четыре сестры, пробудившись, прижимаются к стеклу, посылая огненные поцелуи, кокетливо притворяясь запертыми в клетках, играя беспомощность. Мое сердце начинает колотиться.

Танец становится порывистой, огни ярко мерцают. Моя тень пускается в пляс, и я начинаю зажигать вместе с ней, двигая руками и ногами в такт свету, танцуя под визуальную музыку.

Мелькание вспышек гипнотизирует; я чувствую себя пьяным, разгоряченным светом, но идеально держу равновесие.

Темза! Как же хорошо...

Девушки на мосту бросают сигареты, одна из них смеется, пока другая бормочет что-то про «обдолбанного бродягу».

Они уходят, не замечая, как гаснут одна за другой лампы.

Электра, первая, дерзка, как всегда: плавно скользит вниз по затененному фонарю, пока ее ноги не опалают асфальт. Гладкая кожа идеально чиста. Флуоресцентная пыль в крови ослепляет. Стекловолоконные волосы развеваются в магнитном бризе, почувствовать который я могу лишь мечтать. Я оглядываюсь по сторонам; теперь свои колбы покинули все сестры: они окружают меня, покачиваясь в такт свету и беззвучно смеясь.

Электра начинает хлопать, остальные подхватывают ритм: высекая свет, ладонь ударяет о ладонь в сложном синкопировании вспыхивания и затухания. Как только сестры принаравливаются, Электра останавливается и приосанивается, протягивая мне руку в официальном приглашении.

Я беру ее, и мы начинаем танцевать.

Каждая вспышка света – новый образ галлюцинации: движение, стук крови в моей голове.

Вспышка. Вспышка. Вспышка.

Электра следит за моим пульсом тонкими пальчиками, владеет моим дыханием. Моя рука скользит по ее бедру.

Вспышка-вспышка-вспышка...

Она опалает волоски на моей коже. Шея запрокидывается назад, девушка смеется, и зубы ее вспыхивают. Секунду спустя я чувствую их жар на мочке уха. Она танцует, она блестит, она живая; я танцую с ней, и я тоже живой.

В конце концов мне приходится остановиться, задыхаясь и смеясь, и она замедляется, охлаждаясь настолько, чтобы поцеловать меня в шею.

Жар ее губ находится в доле градуса от боли.

Добро пожаловать, Сын Улиц.

Остальные продолжают веселиться.

Одна перебирает спекритар, добавляя музыке оттенков цвета, пока две оставшиеся сестры смеются и танцуют, ловко пародируя старомодные стили.

Я сажусь, находя гравий приятно прохладным по сравнению с жаркой Электрой.

Она поворачивается и обходит вокруг меня, потом останавливается и открывает рот:

– Что такое?

Я читаю слова по сигналам – пульсирующему свету, исходящему от ее миндалин.

– А что такое? – переспрашиваю я, преувеличенно артикулируя, чтобы девушка смогла прочитать по губам.

– Ты напряжен.

– Почему ты так считаешь?

– Я могла бы утопить крысу в токсичных отходах – партнер для танца из нее получился бы лучше.

Мои щеки вспыхивают:

– Не думал, что было настолько плохо.

Она негодуя пожимает плечами:

– Ты был неуклюжим и медлительным, не попадал в ритм даже больше, чем обычно.

Разумом ты находился где-то еще – по крайней мере, я на это надеюсь, потому что либо так, либо ты... – Она запинаясь, нащупывая слово, и, в конце концов, подбирает характеристику на своем родном языке: что-то вроде «ярко потухший в размышлениях».

– Слабоумный, – фыркнув, перевожу я. – Спасибо.

Электра садится рядом со мной. На мгновение замирает, и ее свет почти гаснет, тогда девушка обвивает меня рукой, поглаживая плечо обжигающими подушечками пальцев. Она тянет меня, чтобы я посмотрел ей в лицо.

– Можешь поговорить со мной, Филиус.

Я вздыхаю:

– Я сбежал от Гаттергласса.

Она уже начала было говорить какую-то банальность, но мои слова заставляют ее призадуматься.

– Расскажи, – сигналил она.

И я рассказываю, а она читает мои губы, не слыша ничего, кроме тишины. Едва шевельясь, Электра перестает светиться и становится почти невидимой; она качает головой, когда я заканчиваю.

– До меня доходили слухи, но я не думала, что за ними стоит что-то реальное. Но если Глас верит... – Ее слова затеваются удивлением. – Значит, она действительно возвращается?

– И Гаттергласс хочет расчистить ей дорогу. Хочет, чтобы я выступил против Выси, – я раздраженно смеюсь. – Бросила мне задачу, словно улыбающийся лисенок – кусочек объедков, найденный за мусорным баком.

Электра усмехается.

– Глас хочет собрать армию, – говорю я, – как в былые времена, до Ее ухода. Говорит, если мы будем дожидаться Королевы Улиц, станет слишком поздно.

Электра начинает отвечать, но отвлекается на блики света – не мягкие янтарные, как у нее, а яркobelые, словно вспышки магния.

Они исходят от ее лампы.

Лицо девушки искажает гримаса.

– Белый! – рычит она тусклым оранжевым.

Ее сестры тоже заметили и толпятся вокруг фонаря Электры. Стекланный силуэт залез по столбу, пока мы разговаривали. Он излучает бледный белый свет, бросая на танцовщиц испуганные взгляды, обвивая самого себя руками, пытаясь протиснуться внутрь колбы.

Натриевые сестры вспыхивают ярко-желтым, демонстрируя свой цвет. Они плюются, как петарды, мигая на своем языке, слишком быстро, чтобы я смог разобрать. Мне удастся поймать несколько фраз: грязные ругательства в адрес родителей и «вольтах его налево». Белый извивается и дрожит неровным светом. Вероятно, он не понимает и половины оскорблений, изливаемых на него.

Именно Электра, всегда самая смелая, бросает первый камень. Ее пальцы хватают его, сплетая магнитное поле, которое поднимает камень, заставляя кружиться в воздухе, быстрее и быстрее, а потом выстреливает прямо в стекло.

– Лек, *нет!*. – кричу я, но она не смотрит на меня – и не может услышать.

Остальные следуют ее примеру, камни свистят, как пули. На фонарном столбе остаются вмятины; стекло разбивается. Белый отчаянно крутится, пытаясь защитить свою нить накала. Я понимаю, что он не может не бесить их: чем быстрее он двигается, уворачиваясь от камней, тем ярче разгорается, тем насыщенней делается его цвет, тем злее становятся Натриевые танцовщицы...

...и тем быстрее летят камни.

Я изумляюсь: почему Белый это терпит? Почему не убегает? Быстрый взгляд на небо – ах, вот что: тяжелые грозовые облака разбухают над оранжевым свечением города.

Я принимаю решение.

Хватая копьё, лавирую между сестрами и взбираюсь на столб, размахивая оружием, как флагштоком, пытаясь привлечь их внимание.

– Остановитесь! Собирается дождь – дождь, понимаете? Он здесь один. Это не нападение, он просто ищет укрытие.

Они не слушают меня, но магнитная траектория слегка сдвигается, и обстрел немного сбавляет обороты: им приходится вилять, обходя меня, чтобы найти свою цель. Свист, сопровождающий их полет, не может заглушить испуганного гудения Белого за моей спиной.

Меня обсыпают осколки стекла. Крошечные порезы тут же заживают.

В конце концов я чувствую, что жар позади меня затухает – Белый сползает вниз по задней части фонарного столба. Секунду он корчится на асфальте, корона белого света укорачивается, когда Натриевые танцовщицы надвигаются на него. Потом бедняга устремляется прочь, обнимая себя, взблескивая едва заметной вспышкой боли.

Ветер приносит легкую влажность. Мой желудок сжимается. Я знаю, что произойдет, если Белого застигнет ливень...

...и они тоже.

Пощечина Электры обжигает щеку. Она тоже взобралась на фонарный столб. Ее сестры стоят внизу, демонстративно уставившись в другом направлении.

– Ты что творишь?

– Собирается дождь! – кричу я на девушку, моя кожа горит. – Он просто искал приют.

– Он нарушил границы. У них есть, где приютиться.

– На десятке улиц в центре города, в пяти милях отсюда. Ему ни за что не успеть вовремя!

Электра смотрит на меня. Глаза ее светятся ровным ясным янтарем.

– Знаешь, – мигает она, – если я когда-либо преступлю границу земли Белых, побивание камнями будет меньшим, что меня ждет.

Лек смотрит вниз, на сестер:

– Они хотят, чтобы я прогнала тебя, но я рассветила им про Гласа и Высь. Они поняли, что ты расстроен. Они ничуть не в восторге, но ты можешь остаться, – до тех пор, пока снова не встанешь на нашем пути.

Мой желудок горит почти так же отчаянно, как и лицо. Как она посмела просить за меня? Я хочу накричать на нее, но капли дождя целуют мой лоб. Тревожная вспышка озаряет лицо Электры.

– Отдыхай. Выздоровливай, – поспешно мигает она, прижимая горячие пальцы к моей груди. – Поперемигиваемся, когда выйдет луна.

Она исчезает в нити накаливания своей лампы, и та загорается после секундной задержки. Раздается звон, и осколки стекла, выбитого камнями, начинают подниматься с земли, плывя в электромагнитном поле девушки. Сверкая, ловя ее свет. Стекло закрывает нить. Мгновение она горит жарче: ярким и невыносимо белым, почти тем же оттенком, что и презираемый ею Белый. Я отворачиваюсь.

Когда оглядываюсь назад, осколки лампового стекла срастаются вместе, а свет Электры снова становится янтарным.

Я мягко спрыгиваю на землю. Сестры Электры укрылись в своих собственных приютах. Меня пробирает дрожь, и я прячу руки в карманы.

«Ты можешь остаться», – сказала она. Как, твою ж реку, благородно с ее стороны!

Значит, я скрываюсь? Это читалось в тоне Электры – в оттенке ее слов. Может ли быть, чтобы я и правда скрывался? Бред какой – я не *прячусь*. Просто пришел сюда потанцевать, расслабиться, прочистить мозги и подготовиться к...

К чему? Я *прячусь*. Я боюсь. Осознание сгибает меня, будто каждый кровеносный сосуд моего тела внезапно наполняется гравием. Высь слишком, слишком силен для меня. Из всех призраков, с которыми я сражался: Балковых Пауков, мелких городских чудовищ, – никто не вызывал у меня таких ощущений.

На пустыре вспыхнуло слабое свечение – может быть, Белый.

Порывистый ветер треплет штанины моих джинсов. Я сажусь, скрестив ноги, между фонарными столбами. Дождь усиливается.

Белый боролся за жизнь. Извиваясь и дергаясь, пытался прошмыгнуть между каплями, чувствуя покалывание в магниевых костях, вытягивающихся к воде, словно спеша вступить с нею в реакцию и сгореть. Запредельная скорость сделала Белого искрящимся, его свет отражался от бетонных стен, оставляя призрачное послесвечение. Трава под ногами намочила, и, пока он бежал, пытаясь найти укрытие, его сотрясали всполохи боли.

Обнаружив кусок черного брезента, скомканный в углу надворной постройки, он набросил его на себя, но струйка воды, сбегавшая по складке, заставила Белого закричать. Он вскочил и снова побежал, свет струился сквозь предательские дырки в брезенте. Струйки водорода взвивались, где дождь пробивал накидку.

От внезапной перемены ветра лужа зарябила, плеснув водяным завитком Белому на ногу. Несчастный *вспыхнул* от боли, и металл в его лодыжке вступил в реакцию: нога исчезла во вспышке света и газа, а сам Белый неловко повалился на забор из колючей проволоки, забившись в агонии на мокром асфальте. Мир вокруг него был ярко освещен безопасным, сухим светом окон, вот только возможности попасть туда не было.

Бетонный зубец, зацепив край брезента, сдернул его с Белого, и тот остался лежать, неспособный даже ползти. Он вздрогнул, колено царапнуло бетоном. Занялась искра, и его залило пламя от вспыхнувшего водородного облака. На краткое мгновение жар облегчил его боль, а потом опалил.

В сознании Белого поддерживала только впивающаяся иголочками боль. Он думал о доме, недоумевая, как оказался настолько далеко от ярких газово-белых шаров на фонарных столбах у рынка на Карнаби-стрит. Его сородичи были сейчас там, и дождь безопасно отскакивал от их колб. Только один шар стоял темен и пуст – тот, в котором должен был бы сидеть он.

Что-то промелькнуло над ним: тонкая, темная тень, и Белый поднял глаза. От забора к нему по воздуху устремился моток колючей проволоки, закручиваясь и извиваясь, как змея, подрагивая по всей длине и погромыхивая колючками.

– Нет, – мигнул Белый. Даже в агонии его охватил страх. – Нет, убирайся. Я не твой. Я не придам тебе сил.

Но безглазое существо продолжало надвигаться, и в мерцающем свете своих слов Белый увидел усики, скользящие над землей, ощупывающие его лицо, обжигая капельками влаги, висевшими на них.

– Пожалуйста, – тусклой вспышкой прошептал Белый, – пожалуйста, только не я. Я могу много чего тебе рассказать – над твоим хозяином нависла угроза. Ребенок Улиц собирает армию против него, против Выси. Я видел его – спрятался и читал прямо по его губам...

Но существо продолжало любовно обматываться вокруг, все плотнее и плотнее. Металлические колючки жадно сжали голову Белого, ища лазейку внутрь, словно могли напрямую извлечь из него информацию, которой тот пытался торговаться.

По Белому начали расползаться трещины, и он ярко завопил, когда шипы пронзили стеклянный череп, впуская внутрь воду.

Глава 10

Бет села в автобус до Бетнал-Грин. Посмотрела по сторонам и, не обнаружив ни одной мокрой собаки, была вынуждена признать, что запашок шел от нее. Странные кляксы танцевали в уголках глаз, вызывая ощущение, словно гном в свинцовых ботинках отбивает чечетку прямо на затылке.

Девушке удалось вздремнуть, прежде чем прозвонил колокольчик, и автобус зашипел, останавливаясь. Резко проснувшись, она вскочила и прошмыгнула в уже закрывающуюся дверь. Раскат грома бухнул где-то на западе, и дождь усилился, приветствуя ее с пропитывающим насквозь энтузиазмом, гладко прилизывая волосы к голове.

Вздохнув, Бет похлопала вперед.

Сперва девушка подумала, что он – галлюцинация, уныло мокнущая под дождем, сидя со скрещенными ногами. Уличные фонари мерцали в определенной последовательности, заставляя его тень подпрыгивать в странном отрывистом танце.

– Эй! – закричала Бет, чувствуя, как в ней вспениваются облегчение и волнение. – Эй, ты! Парень! – Она не знала, как его назвать. – Оборванец!

Юноша поднял взгляд, и серые глаза расширились, когда он увидел Бет, спускающуюся с моста, перепрыгивая через три ступеньки. Он встал на ноги.

– Что ты здесь делаешь? – спросил парень.

Бет усмехнулась:

– Ты сказал искать тебя в преломленном свете.

Девушку накрыла эйфория: она нашла его, убедилась, что он *настоящий*.

Дома-башни внушительно возвышались на фоне пропитанных натриевым светом облаков, и то, какой крошечной она казалась на их фоне, внезапно показалось ей ужасно волнующим.

– Это твой дом? – поинтересовалась Бет.

Усмешка, смахивающая на ее собственную, тронула лицо парня.

– Дом? Часть его, полагаю: я могу устроиться на ночлег на любом квадратном дюйме Лондона. Добро пожаловать в мой кабинет. – Он распростер руки, словно обнимая весь город. – Располагайся.

Парень рассмеялся, а потом, казалось, вспомнил, с кем говорит.

Сложив руки, он окинул Бет подозрительным взглядом:

– Кто ты? И почему меня преследуешь?

Бет тоже скрестила руки. Стойка получилась воинственной, и она чувствовала, как дрожит от накатывающего волнами адреналина.

– А *ты* кто? – парировала девушка. – И почему спас *меня*?

– Меня зовут Фил нус Виз¹, – ответил он. – Это значит – Сын Улиц. Моя мать – их божество. – Парень шагнул к Бет, его тень скользнула по ее лицу. – Она заложила улицы, по которым ты ходишь, и дороги, чьи кости похоронены под ними. Она затопила паровые двигатели и даровала первые искры фонарям. Она выковала цепи, что держат Отца Темзу на привязи. – Филиус ухмыльнулся. – И я спас тебя, потому что любой, кому достает безумия ехать на одной Рельсовой химере и кричать на другую, встав на ее пути, нуждается во всей помощи, которую только может получить.

– *Окей*, – пробормотала Бет, делая глубокий вдох. – Меня зовут Бет Брэдли, – начала она. – Это значит... это значит – Бет Брэдли. Мой папа – журналист... уволенный. Меня вышибли из школы, но ему наплевать. Меня сдала лучшая подруга. Полагаю, я преследую

---

¹ Filius Viae – лат. «сын улицы».

тебя потому, что твои ответы мне нравятся больше. – Девушка попыталась улыбнуться и добавила: – Кроме имени, разумеется. Мне и в голову не приходило, что тебя могут звать «Филлис», так что не виню, что ты не признался в этом раньше.

На сей раз рассмеялся парень.

– Я бы не был так уверен, что мои ответы лучше; земля подо мной так горит, что обжигает задницу.

– Кто-то пытается убить тебя, – кивнула Бет. – Я помню.

– О, как мило с твоей стороны, – заметил он насмешливо, крутя прядь волос на лбу. – Пасиб. – И Филиус снова уселся на мокрый асфальт.

Джинсы Бет в любом случае уже промокли, так что она плюхнулась рядом с ним. Ветер размывал по-лувидимые тела в потоках дождя.

– Но если ты сын зашибенной Богини, – заметила Бет, – чего тебе бояться? Разве она не разберется с любимым, кто попытается на тебя наехать?

Парень улыбнулся одними губами:

– Матери Улиц нет с нами, – пробормотал он. – Я ее никогда не видел.

Бет заизвинялась, но Филиус только отмахнулся:

– Я был воспитан ее сенешалем, Гаттерглассом. Я забегал в раковины ее храмов на реке, играл с окаменевшими внутренностями жертв, что приносили ей Зеленые Ведьмы.

– В Гринвиче живут настоящие Зеленые Ведьмы²? – Бет была потрясена.

– Не-а, в Саттоне; ты что думаешь в Баттерси плещется море яиц и муки³? – его лицо оставалось невозмутимым, и девушка не могла понять, шутит ли он. Затем голос парня стал жестким и раздраженным. – Я не обучался никаким ритуалам и правилам – *ничему*, что подготовило бы меня, во всяком случае к Выси. – Пальцы его левой руки изогнулись, будто когти.

– *Высь*. Это тот, кто за тобой охотится?

Филиус несчастно кивнул.

– Но кто же он?

– Он – болезнь города, – безжизненным тоном пояснил парень, – и алчность, и каннибальский голод, и... и я не знаю, кто еще. Я никогда не видел его вблизи, но лицезрел, что после него остается. Он – Король Кранов; краны – его пальцы и оружие. Он использует их, чтобы вьесться в город поглубже, и, когда ему это удастся, все вокруг умирает. – Филиус фыркнул. – А еще он тщеславен – все строит стеклянные башни, чтобы любоваться собой. Моя мать была его единственным соперником; Высь появляется в каждое поколение, и она отбрасывает его назад, снова и снова... но потом она исчезла, и с тех пор он разрастается в этой своей черной яме под Собором. – Филиус посмотрел на Бет. – Но теперь она возвращается, чтобы вернуть себе Небоскребный трон, и Высь больше не может ждать. Он хочет ослабить ее, убить всех, кто будет сражаться за нее. Начиная с меня. – Сын Улиц опустил глаза и пробормотал. – Она почти здесь, но я могу так никогда ее и не увидеть.

Филиус выглядел таким потерянным, что Бет, поддавшись порыву, потянула его к себе. После секундного колебания он уступил. Было пугающе и волнующе обнимать этого преследуемого парня – она будто бы обращала на себя взгляд чудовища.

– Послушай, мы расправимся с ним, – прошептала она: утешающая, бессмысленная бравада. Дождь превратил пыль в его волосах в цементный раствор, прилипший к ее щеке. – Высь даже не узнает, что его сразило.

Парень отстранился, смахивая дождевую воду с лица.

---

² Игра слов, основанная на схожести слов *Greenwich* (район Лондона) и *Green Witches* (Зеленые Ведьмы).

³ Игра слов, основанная на значении частей слова *Battersea* (район Лондона): *batter*— тесто, *sea* — море.

– Ты так легко швыряешься этим «мы», – заметил он. – Это мило и все такое, но откуда такая уверенность? Я видел тебя с Рельсовой химерой – не хочу показаться грубым, но ты обделалась.

– Нет! – запротестовала Бет. – Я... – однако отрицать не было смысла. – Что ж, да, okay: я испугалась. Доволен? Но знаешь что? Лучше я буду так пугаться каждый чертов день своей жизни, чем вернуться к тому, что чувствовала до встречи с тобой.

Воцарилась тишина, достаточно долгая и глубокая, чтобы Бет по-настоящему оценила, насколько прилипчиво прозвучало это заявление.

– Но я не хочу навязываться и все такое, – слишком поздно добавила она: Филиус уставился на нее, словно она была другого вида.

Смутившись, Бет посмотрела в сторону, и ее взгляд упал на ближайший фонарь. Дождь начал стихать, распадаясь на отдельные капли. Бет наблюдала, как натриевый свет ярко вспыхнул и полился потоком, а потом неистово замигал.

– О, Темза, *а вот и мы*, – чуть слышно пробормотал парень.

Свет растянулся и выгнулся у Бет на глазах, как захваченная в плен желтая звезда, потом пылающие лучи видоизменились, текучий свет сложился в конечности, плечи, торс и лицо молодой женщины. Она была нага, и Бет видела ярко горящие нити, переплетающиеся, как артерии, под прозрачной кожей, пока она скользила по фонарному столбу на землю. Женщина направилась к ним чувственной высокомерной походкой.

Оборванец встал, судя по всему, неохотно.

– *Будет забавно*, – пробормотал он.

Пылающая женщина, указав на Бет, открыла рот, и в ее горле замигал свет.

– Просто встреченная мною незнакомка, – невинным голосом ответил он вслух.

Световая женщина вспыхнула глубоким неодобрительным оранжевым.

Реплика, пылающая еще ярче, вырвалась из ее рта.

– Что она сказала? – спросила Бет.

– Да так... Не думаю, что ты хочешь узнать, – пробормотал Филиус.

– А я думаю, что хочу.

Парень поморщился:

– Она назвала тебя отродьем сороковаттной лампочки.

– Что?

– Это... м-м-м, на самом деле это не переводится.

Световая женщина встала перед Бет, и та почувствовала силу, от которой дыбом вставали волоски на коже. Девушка поджала пальцы внутри кроссовок. Каждая молекула ее тела кричала, как странно все происходящее.

Женщина сделала еще один шаг вперед. Бет унюхала что-то, что, как она подозревала, было ее собственными опаленными ресницами. Она вызывающе ухмыльнулась, и женщина тоже улыбнулась, вымигивая слова.

– Лек! – голос оборванца казался потрясенным.

Световая женщина повернулась, яростно засверкала на него и мгновение спустя уже бежала вверх по ступенькам и по мосту; каждый шаг отдавался шипением испаряющейся под ее ногами воды.

– Еще посмотрим, кто из нас неблагодарный! – прокричал парень ей в след. – Вспомни, если уж на то пошло, кто добыл тебе это соглашение!

– Что это было? – спросила Бет.

Филиус закатил глаза:

– Лек просто драматизирует. Не обращай внимания... – своим железным прутом, как пастушьим посохом с крючком, он направил Бет обратно к мосту. – Я сказал тебе однажды, скажу и второй раз: иди домой.

Бет открыла было рот, чтобы возразить, но он ее оборвал:

– Я не шучу. Может, я никогда не поступал, как сын своей матери, прежде, но могу начать прямо сейчас. Вись убьет меня, Бет Брэдли. – Он говорил спокойно, деловым тоном. – А, если ты останешься со мной, убьет и тебя. Мне бы очень не хотелось объяснять это твоему отцу, уволенному журналисту.

– Как ты собираешься что-либо объяснять после смерти? – поинтересовалась Бет, прежде чем сообразила остановиться.

Он впился в нее взглядом:

– Ага, зубодробительное занудство, конечно, заставит меня передумать, – отрезал парень.

Бет упрямо продолжила:

– Послушай, я знаю, есть риск. Знаю, что могу...

– Это не вопрос *возможности*, – голос его звучал раздраженно. – Для меня, да, «может быть» – это вопрос «возможности»: у меня есть возможность бегать достаточно далеко и достаточно быстро, чтобы держаться от него подальше. Но для тебя это вопрос *неизбежности* – не хочу показаться грубым, но есть ли хоть один шанс того, что ты не станешь обузой? Ты умеешь карабкаться по небоскребу? Можешь бежать по проводу, обгоняя Балкового Паука?

Бет уставилась на него:

– Я даже не знаю, о чем ты сейчас говоришь.

– Вот и я о том же.

Она стиснула зубы:

– Однако одну вещь из того, что ты сказал, я поняла: *бегать*, – она почти что выплюнула это слово. – Это твой план? Так ты собираешься соответствовать материнскому завету? *Сбежав?*

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

– *Тогда научи меня!* Я толковая, сечешь? Смогу научиться – и, возможно, помочь. Или ты так чертовски высокомерен, что считаешь, будто лучше оставаться одному?

Филиус открыл было рот, но Бет не дала ему заговорить:

– Ты, что, рассчитываешь на свою маленькую подружку из фонаря? Если я не сильно ошиблась, читая язык ее чертова тела, тебя ожидают довольно холодные ночи.

– Лек не моя...

– Да, не важно, – фыркнула Бет. – Есть кто-нибудь еще? Кто-нибудь, кто готов противостоять этому Королю Кранов, которого ты так боишься?

Когда Филиус уставился на нее, девушка почувствовала злость, смятение и одиночество, исходящие от него жаркими волнами.

– Я, например, – тихо сказала она. – Может, я чего и *не* знаю, но я уже спасала твою жизнь, а ты – мою. Я хочу *помочь* тебе. – Она осознала, насколько правдивы эти слова, только произнеся их. – Позволь мне помочь тебе сделать нечто большее, чем просто убежать.

Его серые глаза внимательно ее изучали:

– Почему?

– Потому что я тоже одинока, – мягко ответила Бет.

Они оба затихли. Облака рассеялись, ночь была ясной и холодной. Бет задрожала.

– Нет, не одинока, – проговорил он наконец. – Протяни руку. – И он без предупреждения чиркнул ее по запястью кончиком своего прута, острым, как бритва.

Бет не знала почему, но она не отскочила и не закричала. Держалась, пока он резал ее руку снова и снова, хотя и чувствовала, как выступила и закапала на землю кровь.

Девушка не отрывала от него глаз:

– Что это? – в ее голос прокралась лишь слабая дрожь.

Он пожал плечами, почти застенчиво:

– Если ты собираешься быть солдатом моей армии, девочка, то должна носить мою метку.

Она опустила взгляд на запястье. Сквозь размазавшуюся кровь отчетливо проступали тонкие линии порезов: здания, складывающиеся в корону.

Ее захлестнула глубокая, будоражащая гордость:

– А еще это предупреждение. Чертово напоминание: все *по-настоящему*, Бет. Это может причинить тебе боль, и нет никакой волшебной двери, через которую можно сбежать и захлопнуть ее за собой. Ты можешь никогда не вернуться домой, понимаешь? Потому что тебя будут преследовать – если ты сделаешь это и попадешься на глаза Выси, можешь навсегда проститься с безопасностью. Проститься с домом. Навсегда.

Его речь была столь же ровной и холодной, как открытая пустошь на резком ветру.

Бет прижала запястье к щеке, потом посмотрела на корону: неизменно и необратимо врезанную в него.

– Тогда я готова, – ее сердце снова бешено заколотилось. – Сын Улиц.

Часть II Урбосинтез

Глава 11

Бет смотрела на паука. Паук загадочно смотрел на нее. Девушка сглотнула. Ростом с человека, он изящно покачивался на телефонном кабеле, идущем в переулок, на восьми остроконечных ногах. Нижние щитки, гладкие, как стеклопластик, отражали свет фонаря под ними. От паука исходил треск, словно бормотание чуть ниже уровня слышимости.

– Ну, – парень с асфальтовой кожей, засунув руки в карманы, оперся о стену. – Как тебе наша лошадка?

Бет хмуро на него взглянула:

– Лошадка? Это же огромный паук.

Филиус поджал губы, пожимая плечами, будто говоря: «Не могу отрицать очевидного».

– Он опасен? – спросила Бет.

– Разве он выглядит опасным? – возразил парень.

– Да: он *выглядит* как огромный паук.

– Ого, впечатляющая наблюдательность.

– Я не нахожу это ободряющим, Фил.

Она сократила «Филиуса» до «Фила» – как будто односложным именем можно было приручить этого дикого парня с выпирающими костями и измазанной сажей кожей. Он привел ее к обычному адски исчерканному «Би-Тишному» таксофону на Хай-стрит, поднял трубку и замялся. Когда Бет спросила, не нужна ли ему мелочь, Фил лишь полуулыбнулся ее наивности.

– Это не та плата, которую они взимают.

Парень поднес телефонную трубку ко рту и довольно удачно сымитировал щелчки и жужжание, раздающиеся на линиях с очень плохим приемом. Остановился, послушал, с довольным видом повесил трубку...

...и завел девушку за угол, в переулок, где она лицом к лицу столкнулась с пауком размером с небольшой автомобиль.

– Напомни еще раз, почему мы должны это сделать? – спросила она. Глаза существа походили на посверкивающие зольные ямы.

– Связь, – отвечая, Фил не сводил взгляд с существа. – Какой смысл иметь армию, если не можешь поговорить с нею? – Он подошел к пауку еще ближе.

– *Окей*, – кивнула Бет. В том, как парень приближался к созданию, чувствовалась нерешительность, которая девушке совсем не понравилась. Тревога кольнула ее в шею.

– Но – извини, если вопрос идиотский, – почему мы подкрадывается к нему так, будто боимся оказаться съеденными?

Взгляд, который он бросил на девушку, говорил: «Ты действительно хочешь, чтобы я ответил?»

Фил положил руку на голову паука. Тот расплылся, как телевизионная картинка с плохой передачей, потом снова затвердел и пополз вниз по проводам. Парень заметно расслабился и поманил Бет. Гордая тем, что сумела свести дрожь до минимума, она потянулась к существу. Покровы паука оказались прохладными и гладкими.

Звучание, исходящее от него, стало громче, и девушка уловила обрывки разговоров, вибрирующие вокруг головы.

- Люблю тебя, милая, – говорили они и:
- Удачного дня! Я горжусь тобой, – и:
- Не могу дождаться вечера, так хочу тебя увидеть.
- Я люблю тебя.
- Люблю тебя.
- Люблю.

Множество выговоров, мужских и женских голосов, наслаивающихся один на другой, полных любви и заботы, загудели в ее голове. Бет почувствовала, как сердце наполнилось ими. Стыдливое тепло коснулось ушей, и девушка поняла, что улыбается.

На Бет нахлынуло головокружение, и она почувствовала, что сейчас упадет, но паук вытянул сухую ногу, похожую на клинок, подхватывая девушку и подтягивая ее ближе к брюху – ближе к голосам.

- Я люблю тебя, – шептали они.
- Эй! – Фил резко стукнул паука по панцирю своим прутом. – Довольно!

Голоса потонули в фоновом шуме, и голова Бет прояснилась. Она вздрогнула.

– Что это *было*? – выдохнула девушка. Лапа паука, холодная, как сталь, обвилась вокруг талии. Бет толкнула ее, но та не сдвинулась с места.

- Фил! – позвала она.

– Немного перестарался, – пробормотал тот и наклонился прямо к пауку, пока их лбы не соприкоснулись. – Ты это брось, маленький дерьмовик. Понял меня?

Существо жалобно загудело.

– Ага, знаем мы, как ты просто пытался ее расслабить, – фыркнул он. – Сделаешь это снова, и я *расслаблю* тебя – навсегда. Самой большой картонкой, которую только смогу удержать в руках.

Создание подогнуло передние лапы, очевидно в красках представляя угрозу.

Фил оглянулся на Бет:

- Ты в порядке?

Девушка поймала его пристальный взгляд. Сердце колотилось, она чувствовала себя, как будто ее вот-вот стошнит, но все, что Бет слышала, так это его слова, сказанные на мосту: «Есть ли хоть один шанс, что ты не будешь обузой?» Она не должна показывать свой страх:

- В порядке.

Фил наклонился к пауку еще ближе, зашептав ему, и передняя лапа также обвилась вокруг парня. Тот не сопротивлялся, и, глядя на него, Бет тоже расслабилась. На мгновение она увидела свое лицо, искаженное в изгибе массивного экзоскелета паука, а потом огромная тварь с невероятной скоростью заскользила по телефонным проводам, оставив позади облачко последнего вдоха девушки.

Под ними искаженными полосками света и ревушими порывами шума пронеслись дома, улицы, заводы и машины. Филиус, сидящий напротив нее, стал зернистым и постепенно растворился, Бет почувствовала, что и ее собственное тело заискрилось, а рука распалась на пиксели. Девушка больше не задыхалась, и мгновение за мгновением страх рассеивался. Биение паучьего пульса успокаивало.

Ощущение движения рассеялось, время *изменилось*. Город потерял определенность, стал темным и расплывчатым. Что было реальным и ярким, так это сеть: кабели вились между призрачными зданиями и убегали под землю, сияли, прорезая городскую темноту, оживлявшуюся бормочущими голосами.

На горизонте проступило очертание: поднимающаяся на холме в южной части города тонкая стальная башня, пылающая светом и звуком. Нити паутины сходились к ней, неуклонно растущей, сияющей, затмевающей небо, направляющей взгляд Бет в небытие. Ропот миллионов разговоров сливался в рев...

...а потом настало ничто. Свет погас, словно задутая спичка, голоса стихли. Бет наклонилась вперед и схватилась за металлические перила. Холодный воздух хлестал ее по щекам, и девушка потеряла глаза, привыкая к темноте. Она была высоко.

По-настоящему высоко.

Бет стояла на платформе на металлической башне. Ей потребовалась секунда, чтобы узнать переплетение металлических стоек радиомачты «Кристалл-Пэлэс». Город в сотне футов ниже мерцал, словно армия светлячков, роящихся в темноте.

– Я на «Крист»... – ее дыхание сбилось, и кожу защипало от полного отсутствия чего-либо между нею и бездной. – Я на башне «Кристалл-Пэлэс»? Это... Это правда прекрасно. – С губ Бет сорвался истеричный смешок, когда девушка поняла, как далеко они забрались. Паучки, не больше тех, что можно найти в любом доме, поблескивали то тут, то там, появляясь и исчезая, лезли отовсюду, копошились в кустах проволоки и в спутниковых тарелках своими заостренными лапками. Паук, принесший Бет с Филом, вздрогнул и рассыпался на сотню маленьких восьминогих телец, быстро растворившихся в кишашей массе. Бет поежилась от их дерганных движений и дрожания крошечных брюшек-бусинок. По мере того, как уши привыкали к звукам, ветер все больше и больше распадался на голоса, слышимые сквозь помехи, накатывая волнами потрескивающих разговоров.

Фил растирал руки и ноги, возвращая им чувствительность. Он посмотрел вверх, на самую верхушку башни.

– Останься здесь, – сказал он. – Она не знает тебя, а ты не захочешь знать ее. – Он помедлил, на лице отразилось страдание, взгляд стал беспокойным. – Будь осторожней, хорошо? – Я получил для нас индульгенцию на разговоры у Матушки Сети, но здесь дети, – он кивнул на толкущихся паукообразных, – они могут быть немного кусачими. Впрочем, они питаются исключительно голосами: держи рот на замке, и с тобой все будет в порядке.

Парень попробовал стойку босой ногой и начал стремительно карабкаться по внутренней части конструкции, – так уверенно, будто сам был пауком, – пока не скрылся из виду.

Бет обхватила себя руками: чувство свободы обдало холодом. Девушка подумала о знакомых людях там, внизу, гадая, увидит ли их снова.

«Тебя предупредили, что это смертельно опасно, Би, – напомнила она себе. – Ты уже сказала свое “прощай”».

Она помедлила. *Би*. Почему она так себя назвала? Только один человек обращался к ней с подобной вальяжной фамильярностью. Бет подумала о Каре, и воспоминание отозвалось болью в груди, тоской, отчаянным желанием разделить с подругой этот пейзаж, этот вид, которым никто никогда не наслаждался. Девушка поспешила задвинуть это чувство на задворки сознания.

Из-за высоты Бет подташнивало, так что она отвернулась осмотреться на крыше – и заметила какой-то сверток.

Высотой примерно пять футов и, может быть, три – шириной: моток стальных проводов свешивался со стойки над нею, словно внушительное металлическое осиное гнездо. С его нижней части свисало что-то тонкое. Она нахмурилась и подошла поближе, чтобы рассмотреть.

Шнурок от ботинок.

Грудь Бет сжало, и она с ужасом по-новому оценила размеры свертка. Девушка протянула руку, пальцы коснулись свертка, и тот закачался в пустоте.

Пауки стрекотали, не обращая на нее внимания.

Беззвучно выругавшись, Бет ухватилась за стойку и начала карабкаться к свертку. Ее рука соскользнула по усыпанной бисеринками дождя стали, желудок перевернулся, но она заставила себя снова крепко вцепиться в металл.

«Полегче, Бет, – предостерегла себя девушка. – Ты карабкалась и не на такую дрянь, чтобы бояться этой чертовой верхотуры».

Оказавшись на одном уровне с верхней частью свертка, девушка увидела несколько пробивающихся сквозь провода прядей рыжих волос, развевающихся, словно водоросли в струях течения. В пробелах между металлическими нитями Бет разглядела лицо: девушка, немного старше нее. Воротник куртки был запятнан улицей. Нити паутины опутывали глазницы. Толстый кабель высовывался изо рта, и Бет сама едва не подавилась, увидев, как горло несчастной натянулось вокруг него.

Металлические голоса изливались в воздух, словно текли из проводов, просачиваясь девушке в уши.

Мы любим тебя. Ты дома, в безопасности. Никакой опасности. Никакого, никакого вреда.

Глаза рыжеволосой девушки были не до конца закрыты: каждое слово заставляло веки счастливо подрагивать.

«Они питаются голосами», – вспомнила Бет слова Филадельфии, когда сигналы пауков закружились в воздухе. Кабель во рту девушки непристойно дрожал и выгибался, будто доил звук из ее горла.

Бет потянулась и схватила кабель. Когда она дернула его, все вокруг стало кошмарно медленным.

Глаза пленницы резко распахнулись.

Когда конец кабеля вышел из ее рта, она закричала.

Мы любим тебя мы любим тебя мы любим мы любим тебя мы любим тебя...

Пауки немедленно встрепенулись, и в их хаотичных движениях появился порядок. Они прокатились по металлу сверкающей волной, и прежде, чем Бет успела даже подумать, поползли по костяшкам ее пальцев, по волосам, покалывая ножками-иглочками голову и кожу на груди. Девушка потеряла самообладание и завизжала, но пара хелицер проколола кожу на ее шее, и звук в горле заглох, как будто его выкачали.

Пауки, проползая по плечам, подобрались к ушам. Бет видела, как из их брюшек потянулись проволочные нити. Голоса-помехи усилились до крайности.

Мы любим тебя мы любим тебя мы любим мы любим тебя мы любим тебя...

Украденные слова запульсировали в мозгу, душа страх, словно морфий. Бет отчаянно попыталась сконцентрироваться на страхе – настоящей эмоции, единственно нормальной в данной ситуации, но понимала, что он тонет под любовью к паукам.

Бет безнадежно замахала свободной рукой, шлепая по тварям, уничтожая некоторых, исчезающих в треске помех.

Мы любим тебя, – злобно затрещали голоса. – Но ты все испортила.

Мысль пронзила ее как копьё. Одурманенная и обессиленная, Бет обмякла на холодном металле. Ее страх теперь казался чем-то очень далеким.

Что-то промелькнуло в воздухе: серая фигура упала рядом, пролетев сквозь полую сердцевину башни. Костлявая рука жестко взяла Бет за талию, и она рухнула, едва сознавая себя, едва понимая, что падает.

Бет в изумлении подняла глаза и обнаружила держащего ее Филадельфию.

Он кричал на нее, лицо его было мертвенно бледным...

...но с губ парня не срывалось ни единого звука.

Мы любим тебя мы любим тебя мы любим тебя мы любим тебя, – вот все, что она могла слышать. Испортила испортила испортила.

Парень прыгал от опоры к опоре, замедляя их спуск, тело Бет сотрясалось от каждого толчка, пока, наконец они не повалились на мокрую траву у подножия башни.

Фил вскочил на ноги и сердито ткнул в нее пальцем. Сначала беззвучно, но потом в его горле начал протрескиваться голос.

– Темза и Кровавая река! – выругался он. – Когда я сказал об индульгенции, то не подразумевал, что ты можешь выдергивать вилку из их долбаного *запаса продовольствия!*

Бет глазела на него, с трудом поднявшись на одно колено. Паучьи голоса отступили, уступая дорогу тошноте, нахлынувшей вместе со страхом. Кричащее лицо рыжеволосой девушки стерло все остальное из головы Бет.

– Там кто-то, – она задышалась, – есть...

– Рыжая девочка? – переспросил он. – Да, я знаю. К счастью, несмотря на твою клоунаду, им удалось переподключить ее, и я, *возможно*, по-прежнему смогу иметь с ними дело.

– *Дело?!* – заорала на него Бет, ее страх переплавился в ярость. – Как ты можешь иметь дело с этими штуками? Мы должны спасти ее! Она пленница!

– Пленница? – деланно удивился парень. – Насколько я видел, она не кричала, пока тебе не приспичило ее освободить.

Бет не могла в это поверить. Она несколько раз открыла и закрыла рот, прежде чем смогла подобрать слова:

– Хочешь сказать, она *желает* там быть?

– Почему бы и нет? Теперь ее мозг проводит каждую минуту, погруженный в любовь, буквально залитый ею. Раньше она была одинока – они всегда из таких. Матушка Сеть так их и выбирает: находит на улицах – потерянных, сиротливых, замерзших, – дает шанс сделать последний телефонный звонок тем, кому на них наплевать. Их отчаянье для нее, как маяк: она концентрирует на нем свое внимание и предлагает им выбор.

– А что будет, если они передумают?

Лицо парня напряглось, но взгляда он не отвел:

– Это однократная сделка. Балковые пауки не меняют решения.

Внезапно Бет увидела своего отца, буквально кишащего горем. Вообразила его рыдающим от благодарности, когда команда пауков притаскивает кабель к его губам и заполняет уши своей успокаивающей песней.

– Дерьмо, – выплюнула она. – Неважно, как все плохо и как низко они пали: люди *исцеляются*. Нельзя просто взять и разрешить им хоронить самих себя. Нельзя позволять этим созданиям предоставлять им какой-то там выбор. Они просто получают с этого чертову выгоду!

Принц-оборванец медленно выпрямился в полный рост. Голос его был проникнут презрением:

– Что ж, – сказал он, – спасибо Матери Улиц, что послала нам тебя, дабы исправить грехи наши. – Он сплюнул на землю и поинтересовался: – С чего ты взяла, что вправе решать, сколько люди могут получить, прежде чем захотят уйти? Кроме того, даже если ты и права, – а как же пауки? Они – отдельная раса. Думаешь, у них нет чувств? Они не думают? И, блин, не любят? Они не могут есть ничего другого, Бет; как бы сильно я или ты этого ни хотели, они просто не могут. Им нужен голос, если они не получают его, то сдохнут от голода. Это не их вина, и не моя тоже, так что заканчивай так на меня смотреть. – Тон его был ровным. – Гораздо больше жизней поставлено на карту, чем жизнь кого-то из плоти и крови, кого-то с четырьмя конечностями, кого-то, похожего на тебя. Тебе нужно понять это, и побыстрее, пока ты не разбила нашу армию еще до того, как Высь задействовал свои краны.

Бет закусил губу и опустила глаза. Она все еще слышала отголоски шипящих украденных голосов пауков. *Все испортила*. Кажущийся запачканным мозг болезненно очищался.

Филиус уставился на девушку прищуренными глазами.

– Что они тебе сказали? – наконец спросил он. – Это ведь не была обычная песнь любви? Что еще они сказали?

Бет сильнее закусила губу, не в силах поднять на него глаза. Она не ответила. Рассвет занимался над щетиной города на горизонте. Филиус повернулся и, не говоря ни слова, чинно удалился от башни.

– Тогда чья это вина? – спросила вдогонку Бет. – Если не твоя и не их, кто виноват, что для этих штук я – добыча? – произнесла последнее слово, она мучительно поежилась.

Парень остановился.

– Тот, кто создал их такими, – в конце концов произнес он. – Мать Улиц. Моя мать.

Глава 12

– Будьте добры, я бы хотел поговорить с Парвой.

Кара подсматривала в дверной проем своей комнаты. Из кровати она могла разглядеть открытую входную дверь внизу и человека с мясисто-розовой лысиной, стоящего на верхней ступеньке.

– Я очень сожалею, сэр, – ответила мама на своем напевном английском. – Она очень боится. И не может встать с кровати.

Кара медленно оглядела комнату. Девушка торчала здесь уже третий день. Пахло больницей, и она начинала чувствовать себя соответствующе. Кара прятала самсу с бараниной, приносимую мамой, под кровать.

«*Aap ki pasandeenda*, – каждый раз говорила ей мама, – твои любимые!» Теперь, когда она сидела дома, как в ловушке, Карина долгая борьба за вегетарианство была разбита ошеломляющей демонстрацией показной амнезии. Девушка чувствовала запах теста и мясного жира, свернутых вместе в одну забивающую артерии торпеду.

Девушка даже стихов почитать не могла. (Отец прибил бы ее, найди он экземпляр Донна⁴, вшитый в учебник дочери по биологии. В своей простоте он, вероятно, понял бы как раз достаточно старомодного английского, чтобы уловить самые грязные фрагменты.) Кара начала чувствовать себя по-настоящему больной.

– Я мог бы... Возможно, я мог бы быстренько зайти и повидать ее? Это не займет... – мужчина затих. Его голос звучал испуганно – учитывая выражение лица, которым мама, похоже, отреагировала на подобное предложение, Кара не могла его винить.

Вслед за «До свидания» громко хлопнула дверь.

Кара просидела пару минут, нервно скребя ногтями кожу пальцев и ладоней. Она больше не болела, хотя и отслаивалась, словно карандашная стружка. Нижний слой был отвратительно розовым против ее обычного – чайного. Скоро кожи, касавшейся чего-либо на прошлой неделе, совсем не останется. Конечно, в итоге она бы все равно стерлась и обратилась в пыль, но так девушка чувствовала себя немного лучше. Она услышала подвывание пылесоса и перекрывающее его довольное пение мамы, ведущей единоличный джихад против грязи. У мамы Кары были полные шкафы платьев, все еще в магазинных пакетах.

«Они бывают новыми лишь раз, дорогая, – счастливо покудахтывала она. – Я берегу их для особого случая».

Именно так чувствовала себя Кара, придя домой посреди дня со словами, что заболела, когда мама, не задавая никаких вопросов, жадно поприветствовала ее и уложила в кровать: будто ее *приберегают для особого случая*. Как покрывающееся пылью платье в пакете.

Кара не могла не вспоминать кабинет Солта, резко пахнущий дезинфицирующим средством. Она сидела там, окаменев от ужаса, ожидая, что он будет кричать, но Солт, конечно, никогда бы этого не сделал. Вместо этого он прочитал вслух «послужной список» Бет: аресты за мелкие магазинные кражи и вандализм, драки, прогулы. Ее репутация была испятнанной, сказал учитель; он знал, что по выходным она продавала картины на Кэмденском рынке, и подозревал, что в остальные дни приторговывает среди учеников травкой. Он отметил, что в Фростфилдской средней школе нет никаких сведений о месте работы отца Бет, и мистер Брэдли еще ни разу не приходил на родительское собрание.

– Я лишь могу заключить, – с поддельным сожалением сказал Солт, – что она сама, как может, добывает себе пропитание. И теперь этот акт вандализма, в котором замешана и ты.

⁴ Джон Донн (1572–1631), английский поэт и проповедник, настоятель лондонского собора Святого Павла.

Он отмахнулся от Кариных протестов. Учитель знал, что это была Бет, конечно, знал, неважно, мог или не мог сие доказать. Никто другой просто не мог этого сделать.

– Защитники прав детей, конечно, дадут свою независимую оценку, – с мрачным удовлетворением заметил Солт, – но, полагаю, у них есть прочная клетка, чтобы транспортировать твою маленькую подружку.

Он как будто выдернул затычку из живота Кары. Полуночное граффити, шатания по улицам, возможность выходить в город ночью – в этом вся Бет. Попади она в приют, и тот станет ее концом.

Кара подумала: «Она сделала это для тебя».

– Я не хочу этого, Парва, – сказал Солт, наклоняясь вперед, и девушка почувствовала запах утреннего кофе в его дыхании, – но она ужасно на тебя влияет. Разрушает *твое* будущее. – Он загнулся, как будто его только что посетила мысль, а потом медленно проговорил. – Думаю, если бы я увидел в тебе подлинную заинтересованность в будущем, реальную *готовность* измениться, то избавился бы от этого. – Он похлопал по обложке папки.

Кара неохотно посмотрела ему в глаза, выражавшие только глубокую озабоченность. Он подначивал ее, заставляя чувствовать свою беспомощность – показывая ей, как великолепно умел притворяться невинным.

– Дважды в неделю, после уроков, – мягко сказал он. – В этом кабинете. Дополнительная математика. Я тебя выручу.

Кара сглотнула, с болью разрабатывая пересохшее горло, потом снова, пока, наконец, не нашла в себе силы кивнуть.

Голос Солта стал твердым:

– Я хочу, чтобы твоя маленькая подружка ушла, Парва: это не обсуждается. Она может уйти либо из моей школы, либо из дома. Тебе решать. – Улыбка вползла на его лицо: – Это будет нашей тайной, – сказал он, наклонился над столом и поцеловал девушку в губы.

Каждый мускул ее тела сжался от запаха пота в складках его шеи, щетина царапнула скулу. Твердые кончики пальцев опустились на ее поясницу и залезли под резинку трусов.

Она не знала, хотел ли он ее, потому что испытывал желание или потому, что понимал, какую боль это ей причинит. Кара не знала, была ли для таких, как он, какая-то разница.

Ее сердце сжалось почти до точки при мысли о матери, узнавшей, что дочь целованная, что она перестала быть *новой*. Что бы тогда случилось с *особым случаем*?

Стоя в кабинете директрисы, под испепеляющим взглядом Бет, Каре хотелось закричать: «Не смей ненавидеть меня! Я сделала это для тебя!»

Но не могла. Она просто стояла и смотрела, как Бет отворачивается от нее с глазами полными обвинений в предательстве. Кара знала: теперь, когда подруга так ей нужна, Бет ненавидела ее.

Кара не хотела нуждаться в Би. Крошечная злобная и разъяренная часть сердца Кары ненавидела ее в ответ.

Ветерок, влетевший в окно, пощекотал Каре шею. Девушка пошла закрыть его, а потом остановилась. Лысеющий мужчина сидел в видавшей виды машине несколькими ярдами дальше по улице. Она уставилась на него, но он так и не прикоснулся к зажиганию. Он не выглядел угрожающим. Плечи его резко упали – он казался совершенно разбитым.

Кара прикусила нижнюю губу:

– Мам, – крикнула она по-английски. – Я хочу немного поспать. Попросишь папу не будить меня, когда он придет?

Мамино согласие доплыло до нее вверх по лестнице. Парва скинула халат и натянула джинсы с футболкой. Сняла хиджаб с безликой головы манекена, стоящей у зеркала, и надежно обернула вокруг головы.

«Что ты делаешь? – поинтересовался голос в голове. – Он незнакомец, знакомый странный *мужчина*. Это небезопасно».

Мысли вроде этих теперь постоянно ее преследовали, но девушка не могла уступить им. Бет бы не уступила. И Бет, конечно же, не уступила бы Солту. Кара презирала эту мысль, но та никуда не девалась, цепляясь за ее разум, как пиявка: если бы только она могла немного больше походить на Бет, то была бы в *безопасности*.

Кара сложила подушки и одеяло, чтобы обмануть обычную проверку, и выключила свет.

После нескольких дней разглядывания потолка спальни день показался Каре болезненно ярким, а небо – поразительно синим. Сердце трепетало, словно колибри в клетке из ребер. Вокруг было немного людей, но она все равно вздрагивала, если кто-то проходил слишком близко. Девушка попыталась успокоиться и собраться с мужеством, пока, наконец, не почувствовала, что может подойти и постучаться в окно машины. Мужчина подпрыгнул и уставился на нее, и она тут же почувствовала, как страх отступает: в его лице не было никакой угрозы. У него были обвисшие щеки, как будто бессонница выжала из него все соки.

Окно скрипнуло вниз:

– Парва? – начал он неуверенно, а потом исправился: – Кара?

Кара встрепенулась, услышав это имя, и склонила голову набок.

– Кто вы, мистер? – спросила она, хотя была уверена, что и так это знает – он был вторым человеком, который когда-либо так ее называл.

– Я Пол Брэдли. Мне сказали, ты болеешь... спасибо. Спасибо, что согласилась поговорить со мной. – Его голос звучал трогательно благодарным. А потом он спросил. – Ты не видела мою дочь?

«Нет; я ее не видела и, возможно, никогда не увижу – да мне и плевать. Плевать, даже если она выпила краску из своего собственного баллончика, завязала с граффити и сдохла», – подумала Кара, но вслух спросила:

– Что случилось с Бет?

Деланная улыбка обвалилась с лица мистера Брэдли.

– Я надеялся, ты знаешь, – пробормотал он. – Мы могли бы поговорить?

– Я не могу далеко уходить, – сказала Кара. – Я сказала родителям, что болею.

– А разве ты не болеешь? – теперь его голос звучал озадаченно.

Кара призадумалась.

– Болею, – ответила она, – но не так, как они считают.

Он нажал кнопку, и на пассажирской двери щелкнул предохранитель.

– Можем поговорить внутри, если хочешь, – на улице холодно.

Кара встала как вкопанная, будто покрывшись льдом. От одной мысли, чтобы сесть в машину к мужчине, даже от ее волос повеяло холодом. Она осмотрела кнопку, которую он ткнул, предохранители на дверях, и твердо потрясла головой.

– Окей, – пробормотал он, – тогда где?

Кара указала на кафе на другой стороне улицы и поспешила к нему, прежде чем мистер Брэдли успел выйти из машины.

Из кафешного стерео лилась музыка в стиле инди. Эспрессо-машина трещала аккомпанементом.

«Девчонку знаю я одну, – надрывался певец, – и в ней как в омуте тону...»⁵

«И это стало бы хитом, – мысленно продолжила Кара, – когда бы не было г...»

– А разве вы не должны пойти к копам? – спросила она, когда отец Бет сел, прервав ее размышления.

⁵ Строчка «Oh girl, you've got me in a whirl» из песни Carpsa «Girl».

Мистер Брэдли глотнул кофе и спросил, не хочет ли она чашечку, но девушка молча потрясла головой, и он больше ничего ей не предлагал.

– Я обращался, – начал он. – Но они не сильно помогли. По-видимому, раньше у нее были с ними проблемы.

«А ты не догадывался?» – про себя поинтересовалась Кара:

– Послушайте, мистер Брэдли, – сказала она, пытаясь, чтобы голос звучал успокаивающе. – Я уверена, что с Бет все в порядке. Она сможет о себе позаботиться. Через пару дней она... – Девушка затихла, увидев выражение его лица.

Он бросил стопку документов на дешевый столик.

– Полицейские сказали то же самое – слово в слово, – заметил он немного дрожащим голосом. – Я поискал в сети...

Кара взяла бумаги и пролистала их: около двадцати распечаток газетных сообщений, фотографии обезумевших родителей с умоляющими глазами и имена под заголовками: Джессика Саарлэнд, Ян Томпсон, Майкл Уильямс, Ровена Муре. Все они сообщали о пропавших детях.

– И это только те, кто был достаточно мал или достаточно мил, а газетчикам нечем было заполнить номер, – голосом проигравшего объяснил он. – Я сам был журналистом и знаю, как это работает.

Кара почувствовала, как сжался желудок. Рапорт о пропаже Бет осядет на самое дно полицейского шкафа для хранения документов, зажатым между Аллах знает сколькими другими потерянными жизнями и забытыми перспективами, по сорок штук в каждом выдвижном ящике.

– Извините. Мы поссорились – сильно, – призналась она. – Наговорили друг другу разных гадостей. Я не видела ее уже много дней.

Мистер Брэдли ссутулился еще сильнее и долго молчал, прежде чем заговорить:

– Не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Хочешь – я не знаю, хочешь, я попробую отвлечь твоих, чтобы ты смогла прокрасться в свою комнату?

Она подняла голову и уставилась на него:

– Ого, мистер Брэдли, – восхитилась она. – Бет никогда не упоминала, что вы ниндзя. – Он покраснел, когда Кара продолжила. – Все окей. Кроме того, мама довольно люта. Если она снова вас увидит, после того, как вы предлагали зайти в мою комнату... – Она свистнула и «перерезала» себе горло пальцем.

– Она не выглядит такой уж страшной.

– Не позволяйте котенку из Карачи вас одурачить. Она бы медленно пропустила вас через сыротерку, если бы заподозрила, что вы спутались с ее маленькой девочкой. Я сама с нею справлюсь.

Мужчина засмеялся, и его лицо тут же стало виноватым, словно смеяться в такое время было неправильно.

– Когда Бет вернется, – сказал он, – надеюсь, вы помиритесь. Я рад, что у нее есть такая подруга, как ты.

Что-то тошнотворное заворчалось у Кары в животе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.